

УДК 343.2

Составитель: Т.Г. Лепина

Рецензент

Доктор юридических наук, профессор О.В. Брежнев

Учение о субъекте преступления: методические рекомендации для самостоятельной работы студентов / Юго-Зап. гос. ун-т; сост.: Т.Г. Лепина. – Курск, 2015. – 83 с. – Библиогр.: с. 69.

Содержат сведения для самостоятельной работы студентов, тестовые задания, терминологический словарь требования.

Методические рекомендации соответствуют требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования направления подготовки (специальности) 030900.68 Юриспруденция.

Предназначены для студентов и слушателей, обучающихся юриспруденции по программам магистров всех форм обучения.

Текст печатается в авторской редакции

Подписано в печать 16.06.15 . Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 4,8 . Уч.-изд. л. 44 . Тираж 100 экз. Заказ. Бесплатно. 681

Юго-Западный государственный университет.

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Содержание

Введение	4
1. История развития учения о субъекте преступления в России.....	6
2. Формирование институтов учения о субъекте преступления в зарубежных странах.....	9
3. Дифференциация возраста субъекта преступления.....	13
4. Проблемы определения невменяемости лиц, совершивших преступление.....	17
5. Проблемы теории специального субъекта преступления.....	27
6. Проблема соотношения понятий «субъект преступления» и «личность преступника».....	46
7. Юридические лица как субъекты преступления: дискуссии в уголовно-правовой науке.....	60
Заключение.....	68
Список рекомендуемой литературы.....	69
Терминологический словарь.....	71
Тематика самостоятельных письменных работ.....	72
Тестовые задания для самопроверки.....	74
Примерный перечень вопросов к экзамену.....	80

Введение

Представленные вниманию читателя учебно-методические рекомендации посвящены крайне актуальной в современных условиях дисциплине «Учение о субъекте преступления». Данная дисциплина направлена на более глубокое изучение студентами юридического факультета, выбравших уголовно-правовую специализацию, вопросов, касающихся субъекта преступления, на современном этапе развития уголовно-правовой науки.

Необходимость изучения «Учения о субъекте преступления» обусловлена динамичностью уголовного законодательства, которое требует постоянного совершенствования, особенно когда речь идет о вопросах уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние: их возрасте, вменяемости, невменяемости, а также лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости и другое. Особого внимания заслуживает рассмотрение в исторической ретроспективе отечественного уголовного законодательства и разрешению вопросов относительно субъекта преступления в зарубежном уголовном праве.

Углубленное изучение узкоспециальных вопросов юриспруденции, относящихся к субъекту преступления и его признакам, позволит избежать ошибок в определении категории «субъект преступления» в дальнейшей профессиональной деятельности юристов. Помимо этого курс «Учение о субъекте преступления» направлен на совершенствование навыков студентов, относящихся к проведению научных исследований по проблемным вопросам уголовно-правовой науки. Очевидна полезность изучения данной дисциплины не только юристами, работающими в правоохранительных и судебных органах, но и для юристов, занимающихся научными изысканиями.

Пособие может быть использовано студентами (слушателями) юридических факультетов всех форм обучения (включая дистанционную). Пособие учитывает последние изменения в уголовном и ином законодательстве, имеющиеся на май 2015 года, основано на современных теоретических концепциях, учитывает сложившуюся в настоящее время практику борьбы с преступностью.

Самостоятельная работа студента с учебным пособием предполагает внимательное прочтение материала, его конспектирование, формулирование вопросов по содержанию прочитанного, попытки ответить на приводимые в конце каждой главы вопросы для самопроверки. Также предполагает решение тестовых заданий с последующей самопроверкой, осуществляемой путём поиска ответов на тестовые вопросы в учебной и иной литературе. Такая деятельность позволяет выявить и восполнить пробелы в понимании материала, лучше подготовиться к промежуточной и итоговой аттестации.

1. История развития учения о субъекте преступления в России

Представления о субъекте преступления в дореволюционной России

Субъектом преступления по Уложению 1845 г. признавалось физическое лицо, достигшее 10 лет. Наказание, которое применялось к лицам, совершившим преступление в возрасте от 10 до 14 лет, смягчалось. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 21 года подвергались тем же наказаниям, что и взрослые преступники, только с некоторым смягчением наказания. Несмотря на то, что уголовная ответственность и наказуемость наступали с 10-летнего возраста, в полном объеме преступник мог отвечать по закону только при достижении им совершеннолетия, т.е. когда ему исполнится 21 год.

В ст. 92 Уложения был дан подробный перечень состояний, исключающих способность к вменению, относя сюда: детство до 7 лет, безумие от рождения, сумасшествие, болезнь, доводящую до умоисступления и беспамятства, одряхление, лунатизм и глухонмоту. Но вместе с этим перечнем, в данной статье были упомянуты причины, устраняющие виновность безотносительно к вменяемости (случайность причиненного вреда, ошибка), и причины, устраняющие преступность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость).

Такое же положение предусматривалось в Уложение в редакции 1885 г. Данная редакция Уложения отдельно отмечала, что иностранцы, жившие в России, отвечают так же, как и российские подданные. Предусматривало оно и специального субъекта.

Уложения о наказаниях 1866 г. Новое уголовное уложение с точки зрения технической стояло на значительно более высоком уровне, чем старое русское законодательство. Простой перечень состояний, исключающих уголовную ответственность, который был применен в уложении 1845 года, имел ряд существенных недостатков. Во-первых, упускались отдельные ненормальные психические состояния, устраняющие вменяемость. Во-вторых, была принята формула невменяемости, содержащая в себе два элемента: психологический критерий и перечень условий,

устраняющих вменяемость. Психологический критерий, основанный на понятии уголовной виновности и ее элементах звучал так: «не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое не могло во время учинения деяния понимать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками». Перечень условий, устраняющих вменяемость, сводил все подобные состояния к трем категориям: недостаточность умственного развития, болезненное расстройство душевной деятельности и бессознательные состояния. Помимо этого отдельно говорилось о малолетстве и несовершеннолетии. Новое уголовное уложение вновь закрепило возраст наступления уголовной ответственности с 10 лет, хотя многие практики, при подготовке проекта высказывали желание повысить этот предел до 12 лет, а некоторые - до 14 и даже 15-16 лет.

Последним крупным нормативным актом царской России в области уголовного права стало Уголовное уложение от 22 марта 1903 г., в соответствии с которым уголовной ответственности подлежало лишь вменяемое лицо, способное понимать «свойства и значение им совершенного» и руководить своими поступками (ст. 39), достигшее как минимум десятилетнего возраста (ст. 40). Уложение не допускало возможности применения к несовершеннолетним смертной казни.

Представления о субъекте преступления в советский период развития российского государства

Статья 18 УК РСФСР 1922 года полностью исключала применение уголовного наказания к малолетним в возрасте до 14 лет. Несовершеннолетние, достигшие возраста 16 лет, признавались субъектами преступлений, но до достижения ими 18 лет им смягчалось налагаемое судом наказание на 1/3 от наивысшего предела, установленного статьями УК РСФСР.

В соответствии с УК РСФСР 1926 г. минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности устанавливался с 14 лет. В связи с приходом к власти И.В. Сталина в стране наметились устойчивые тенденции к усилению репрессий. Это коснулось и уголовного законодательства. Так, была изменена статья 12 УК РСФСР 1926 г., новая редакция которой устанавливала уголовную

ответственность в отношении правонарушителей, достигших 12-летнего возраста, если они были уличены в совершении краж, причинении насилия, телесных повреждений, различных увечий, убийстве или попытках к совершению убийства.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., повысили возраст уголовной ответственности до 16 лет, установив, что лица, совершившие преступление в возрасте от 14 до 16 лет, подлежат ответственности только за убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилование и т.п. Юридические лица, так же как и в предшествующих правовых актах, субъектом преступления не признавались. Невменяемые лица уголовной ответственности не подлежали. Основам 1958 г. был известен специальный субъект преступления. Впервые в общесоюзном уголовном законодательстве особо подчеркивалось, что не освобождается от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения.

1 января 1961 г. вступил в законную силу УК РСФСР 1960 г., Общая часть которого в основном воспроизводила Основы 1958 г., из статей 4 и 5 которого следовало, что за преступные деяния несли уголовную ответственность граждане СССР, лица без гражданства и иностранцы, не пользующиеся дипломатическим иммунитетом. В соответствии с ч. 1 ст. 10 УК 1960 г. общий возраст уголовной ответственности был предусмотрен с 16 лет. С 14 лет уголовная ответственность наступала за убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, связанных с причинением вреда здоровью, изнасилование, грабеж, разбой и т.д. В дальнейшем в связи с повышенной опасностью некоторых преступлений уголовная ответственность была снижена до 14 лет. Что касается невменяемых лиц, то они к уголовной ответственности не привлекались и не являлись субъектами преступлений. Лица, совершившие преступление в состоянии опьянения, не освобождались от уголовной ответственности.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Как характеризовался субъект преступления в *Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года*?

2. В чем заключались нововведения, касающиеся определения признаков субъекта преступления, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г.?

3. Как менялись представления о возрасте субъекта уголовной ответственности в советском уголовном законодательстве?

4. Каким образом решался вопрос о привлечении юридических лиц к уголовной ответственности по уголовному законодательству XX века?

2. Формирование институтов учения о субъекте преступления в зарубежных странах

Уголовное законодательство большинства зарубежных стран исходит из того, как уже отмечалось, что субъектом преступления может быть только физическое лицо – человек. Однако в ряде стран на протяжении веков этот вопрос решался и решается неоднозначно, и субъектом преступления наряду с физическими лицами признавались юридические лица, а также предметы, животные, насекомые. В древних Афинах, например, суд разбирал дела о смертных случаях, причиняемых предметами, после чего особые жрецы выбрасывали эти предметы за пределы полиса. В одном из своих неудачных морских походов (480 - 479 гг. до н.э.) персидский царь Ксеркс приказал дать триста ударов плетью проливу Геллеспонту, который неожиданно разбушевался, что не позволило царю переправить через него войска. В Англии почти до середины XIX века существовало положение, которым предусматривалось, что предмет, причинивший смерть, конфисковывался в пользу короля.

Усердные служители храма Фемиды того времени нередко устраивали судебные процессы против отдельных животных. Так, в 1313 г. в одном из городов Франции вырвавшийся из стойла бык забодал человека. Арагонский король Валуа издал повеление об аресте быка. Свидетельские показания подтвердили убийство, и суд присудил быка к повешению. В 1386 г. в Париже суд приговорил свинью, сожравшую ребенка, к двойному наказанию. За то, что она ранила ребенка, ее приговорили к отрубанию ноги и головы, а за то,

что она съела этого ребенка, ее казнили в человеческой одежде на городской площади. В 1474 г. в г. Базеле был приговорен к сожжению петух по обвинению в том, что, связавшись с «нечистой силой», он якобы снес яйцо. Во Франции последний процесс против крыс и мышей, повредивших хлебные поля, состоялся в 1710 г.

Нечто подобное не чуждо и нашему времени. В восточной части Иерусалима (1988 г.) в полицейском участке несколько дней подряд под арестом находился осел. Его вина заключалась в том, что он заступился за своего хозяина - молодого араба, который был остановлен израильским военным патрулем и подвергся избиению. В ответ животное начало лягать и кусать солдат. В 1990 г. в штате Техас был вынесен смертный приговор собаке по кличке Маркус за неоднократное нападение на людей.

Уголовная ответственность юридических лиц также была известна феодальному праву, и в частности уголовному праву не только англосаксонских стран (Англии, США и др.), но государствам европейского континента. Так, например, во французском ордонансе 1670 г. специальная статья предусматривала ответственность и наказание, за преступления, совершаемые общинами и корпорациями, т.е. юридическими лицами.

Уголовная ответственность юридических лиц в зарубежном уголовном праве существует и в настоящее время. По английскому уголовному законодательству допускается применение к юридическим лицам штрафов как меры уголовного наказания.

Уголовное право США формировалось, и долгое время развивалось на основе английского общего права. В современном уголовном праве США вопросы привлечения к уголовной ответственности юридических лиц регламентированы в федеральном уголовном законодательстве, так и в уголовных законах штатов.

В уголовном законодательстве Франции – родины так называемой континентальной системы права, которая сохранила многие черты средневекового французского права, также как и в уголовном законодательстве Англии и США, юридическое лицо признается субъектом преступления. Также ответственность

юридических лиц закрепляются в уголовных законодательствах ФРГ, Италии и т.д. Японское уголовное законодательство, а точнее УК Японии 1907 г. с изменениями, не предусматривает ответственности юридических лиц.

По швейцарскому уголовному праву субъектом преступления может быть только физическое лицо. Однако некоторые специальные законы как фискального, так и других отраслей права устанавливают уголовную ответственность юридических лиц за преступные деяния их органов.

В уголовном законодательстве Социалистической Республики Румынии имелось специальное постановление, в котором были предусмотрены уголовные санкции в отношении юридического лица с последующей ликвидацией имущества. Что же касается уголовного законодательства других бывших социалистических стран Польши, Болгарии, Венгрии, Югославии, МНР и др., - то в соответствии с принципом личной виновной ответственности субъектом преступления в данных государствах признавалось только физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, в связи с чем исключалась уголовная ответственность юридических лиц. Аналогично решался вопрос в союзных республиках СССР, а ныне - в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья (СНГ).

Возраст, с которого наступает уголовная ответственность, определяется в зарубежном праве по-разному. В США, например, общий возраст, с которого лицо может отвечать за совершение преступления по федеральному закону и по большинству УК штатов, предусмотрен с 16 лет. Во Франции по Закону 1912 г., частично дополненному и измененному в 1921 г., ответственность несовершеннолетних устанавливалась с тринадцатилетнего возраста по всем преступлениям. Субъектом преступления по действующему УК Франции признается лицо, достигшее возраста 13 летнего возраста.

В ФРГ субъектом преступления признается физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет, такой же возраст установлен в УК Японии. По уголовному законодательству Англии субъектом преступления по общему (прецедентному) праву уголовная ответственность может наступать с 10-летнего возраста.

С семилетнего возраста в Англии была предусмотрена уголовная ответственность в 1908 г. («Закон о детях» 1908 г.), затем в 1933 г. этот возраст был поднят до восьми лет. Ввиду отсутствия до настоящего времени уголовного кодекса и полной систематизации уголовного законодательства, возраст, с которого лицо может считаться субъектом преступления, определяют многочисленные уголовные законы. Так, к полной уголовной ответственности в Англии могут быть привлечены лица, достигшее возраста 17 лет. Ирландия – одно из немногих западноевропейских государств, где уголовная ответственность может наступать с 7-летнего возраста. При этом уголовное законодательство Ирландии остается по-прежнему неcodифицированным, и там действуют как старые английские уголовные законы, так и новые ирландские. Уголовная ответственность в возрасте 7 лет допускается также в Египте, Ливане, Ираке и ряде других государств. Однако к полной уголовной ответственности в большинстве зарубежных стран могут быть привлечены лица достигшие, как правило, возраста 16-17 лет (США, Англия, Дания, Бельгия, Греция и другие).

Следует также отметить, что в УК Венгрии и Югославии предусмотрен институт уменьшенной вменяемости, который, как правило, является основанием для смягчения наказания.

В законодательстве некоторых стран, особенно придерживающихся англосаксонской системы права, содержится указание на освобождение от ответственности лица, совершившего преступление в состоянии опьянения, если прием алкоголя произошел против его воли. Примером можно привести уголовное законодательство Индии, где говорится: «не является преступлением действие, совершенное лицом которое во время совершения этого действия по причине опьянения было не способно сознавать характер своего действия или то, что совершенное им дурно или противоречит закону, при условии, что вещество, вызвавшее состояние опьянения, было дано ему без его ведома или против его воли».

Проанализировав нормы зарубежного права, определяющие субъект преступления, можно выявить определенные закономерности. На протяжении своего развития уголовное законодательство ряда стран признавало субъектом преступления

юридические лица, а также предметы, животные, насекомые. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность, варьировался от 7 лет до 17 лет. В основном же уголовное право зарубежных стран считает субъектом преступления вменяемое физическое лицо, достигшее определённого возраста.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Только ли физические лица могут признаваться субъектами преступления по зарубежному уголовному законодательству?

2. Как решается вопрос возможности установления уголовной ответственности для животных и для юридических лиц как в предшествующем, так и в современном уголовном законодательстве зарубежных стран?

3. В каком возрасте возможно привлечения к уголовной ответственности в зарубежных странах?

4. Как решается вопрос о соотношении понятий «вменяемость-невменяемость» в уголовном законодательстве стран Европы, Азии, СНГ и США?

3. Дифференциация возраста субъекта преступления

Статья 19 Уголовного кодекса Российской Федерации даёт четкое понятия субъекта преступления и выделяет три основных его признака: физическую природу лица, совершившего преступление, вменяемость и определенный возраст привлечения к уголовной ответственности, установленный Кодексом. Все эти признаки определяют субъект преступления, известный в науке уголовного права как «общий», т.е. лицо, подлежащее уголовной ответственности по одной из норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, обладает всеми тремя указанными выше признаками. В науке уголовного права огромное внимание уделяется рассмотрению этих признаков, однако, на наш взгляд, следует уделить внимание возрасту привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Согласно юридическому словарю возраст – это период времени от момента рождения человека до настоящего или другого определенного времени, бывает паспортный (хронологический) и физиологический (морфологический). Для науки уголовного права

имеет значение возраст хронологический, так как именно достижение человеком определенного возраста при наличии других двух обязательных признаков общего субъекта «дает разрешение» для привлечения его к уголовной ответственности в качестве субъекта преступления. Снова обратимся к статье 19 Уголовного кодекса Российской Федерации, в которой указано, что к уголовной ответственности привлекается лицо лишь достигшее возраста, установленного Кодексом, без его конкретизации. Статья 20, в свою очередь, определяет, что уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее на момент совершения преступления шестнадцатилетнего возраста или же возраста 14 лет, за конкретные преступления, четко указанные в части 2 данной статьи. Таким образом, мы видим, что в нормах Общей части Уголовного кодекса законодатель предусмотрел лишь два варианта привлечения вменяемых физических лиц к уголовной ответственности: с 14 и с 16 лет. Тогда закономерно возникает вопрос, является ли возраст, не указанный в нормах общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, признаком специального субъекта или же все-таки относится к обязательным признакам общего субъекта преступления. По нашему мнению, стоит придерживаться второй точки зрения, так как в статье 19 указаны обязательные признаки именно общего субъекта. Что же касается соотношения такого признака, как «возраст», и других признаков специального субъекта, то, на наш взгляд, он является лишь их составной частью и только в совокупности с другими требованиями образует признаки специального субъекта. Остановимся более подробно на некоторых из них. Согласно части 1 статьи 331 Уголовного кодекса Российской Федерации преступления против военной службы могут быть совершены лишь военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Обратимся к статье 22 федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», в ней четко указано, что призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 лет; часть 2 статьи 34 Федерального закона закрепляет, что первый контракт о прохождении военной службы вправе заключать

также только граждане в возрасте от 18 лет; проанализировав нормы раздела 8 указанного федерального закона, мы пришли к выводу, что и граждане, пребывающие в запасе и проходящие военные сборы, также должны достигнуть восемнадцатилетнего возраста. Однако, помимо достижения определенного возраста, военнослужащие имеют определенные права и обязанности, что в целом и определяет их особый статус, являющийся признаком специального субъекта преступления, важный для квалификации преступлений против военной службы, а возраст, в свою очередь, является одним лишь из условий прохождения военной службы как по призыву, так и по контракту. Рассмотрим теперь такой признак, как «должностное положение» и роль возраста человека для приобретения данного статуса. Согласно примечанию 1 к статье 285 Уголовного кодекса, должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», где в абзаце 3 указано, что к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности. Примером исполнительной власти может служить губернатор. Так, согласно Закону Орловской области от

04.06.2012 №1364-ОЗ «О выборах Губернатора Орловской области» губернатором может быть избрано лицо, достигшее тридцатилетнего возраста, однако и в данном случае возраст является лишь одной из совокупностей требований и условий, необходимых для избрания на должность губернатора Орловской области, а основные полномочия и обязанности, определяющие статус губернатора как должностного лица, регламентированы в Законе Орловской области от 21.05.2001 №193-ОЗ «О статусе Губернатора Орловской области». Такая же ситуация и с должностными лицами-представителями законодательной и судебной власти, для которых возраст является лишь своеобразным ограничением для замещения определенных должностей физическими лицами, но никак не признаком специального субъекта преступления. На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что возраст лица, совершившего преступление, является необходимым требованием или условием для приобретения физическим лицом определенного статуса, который, в свою очередь, является одним из признаков специального субъекта преступления. Теперь рассмотрим некоторые нормы Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающие уголовную ответственность совершеннолетних физических лиц, не обладающих другими признаками специального субъекта. Так, например, части первые статей 150 и 151 Уголовного кодекса закрепляют противоправность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий. Уголовной ответственности за данные преступления подлежат лишь совершеннолетние вменяемые физические лица. Понятия «совершеннолетние» действующее законодательство не предусматривает, однако, в части 1 статьи 87 сказано, что несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. Таким образом, совершеннолетние – это лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста. Исходя из смысла данных статей УК РФ, мы видим, что для совершения указанных преступлений обязательным условием является лишь возраст преступника, который, в свою очередь, соответственно статье 19 Кодекса,

является обязательным признаком общего субъекта преступления. Основываясь на рассмотренном выше материале, следует сделать вывод, что при квалификации преступлений, совершаемых специальным субъектом, следует учитывать лишь их правовой статус (должностное положение, статус военнослужащего, образование, профессия и т.д.), который предусмотрен определенными документами (нормативными правовыми актами, дипломами об образовании, контрактом о службе и т.д.), возраст же лица, совершившего преступление, является обязательным признаком общего субъекта или же требованием или условием для замещения определенной должности, получения образования или службы в государственных органах.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Какой возраст привлечения к уголовной ответственности устанавливался в дореволюционном уголовном законодательстве?
2. Какие критерии обуславливают установление возраста уголовной ответственности?
3. Как и почему дифференцируется возраст привлечения к уголовной ответственности?
4. Как определяется возраст лица, совершившего преступления при отсутствии у него документов?
5. В чем заключается особенность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в преклонном возрасте?

4. Проблемы определения невменяемости лиц, совершивших преступление

Вменяемость как уголовно-правовая категория

Уголовной ответственности, как следует из текста ст. 19 УК, подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, предусмотренного действующим УК. Статус «вменяемого», таким образом, является одним из общих условий (обстоятельств, предпосылок) уголовной ответственности, по сути признаком субъекта преступления, причем упомянутым законодателем первым. При этом, в свою очередь, вменяемым (в отношении которого отсутствуют какие-либо сомнения в его вменяемости)

может быть только физическое лицо. Современное отечественное уголовное законодательство, как, кстати, и все ему предшествующие, не дает определения терминов «вменяемое лицо» (ст. 19, ст. 22), «состояние вменяемости» (ч. 2 ст. 99), «вменяемость» (ст. 22, п. «в» ч. 1 ст. 97, ч. 2 ст. 99, ст. 106) и производного от него термина «невменяемость» (ст. 21). В действующем уголовном законе, в ст. 21, фигурирует определение только термина «состояние невменяемости»; последний помимо названной статьи упоминается еще и в п. «а» ч. 1 ст. 97 УК. С подобным положением трудно согласиться, в частности, по следующим основаниям.

Первое. Отсутствие определений названных базовых понятий в уголовном законе – а «вменяемое лицо», «состояние вменяемости», «вменяемость», как и «невменяемость», являются именно таковыми – способствует неоднозначности в понимании и в использовании данных понятий, что в значительной степени усложняет правильное, а можно сказать, и точное, применение уголовного законодательства. Существующая все еще неопределенность с вышеназванной терминологией привела к тому, что в ряде работ по уголовному праву, в том числе и в современных, термин «вменяемый» стал употребляться и в связи с самоубийством. В частности, О.Р. Цой и Р.А. Шахманов относят вменяемое лицо к признакам субъекта самоубийства. Но самоубийство, как известно, непротивоправное деяние, и термин «вменяемый» в своем истинном (уголовно-правовом) смысле применительно к лицу, добровольно выбравшему смерть, абсолютно неуместен. В случае самоубийства термин «вменяемость» употребим только в единственном возможном варианте: если лицо одновременно совершает и самоубийство, и преступление. Кстати, такие случаи встречаются, и нередко (например, связанные с совершением дорожно-транспортных происшествий, с причинением огнестрельных повреждений, при падениях с высоты).

Второе. Длительное время в нашей стране установление и вменяемости, и невменяемости было связано с деятельностью медиков (судебных психиатров). Последние в своих экспертных заключениях, в выводах, достаточно откровенно выходили за

пределы своей компетенции и указывали на необходимость признания исследованного ими лица либо в варианте: «вменяемый», либо в варианте: «невменяемый». Содержащийся в данной продукции вывод для суда был практически непререкаем. Сложившееся положение, к сожалению, все еще далеко не исправленное ни в теории, ни на практике, остается и до настоящего времени. Так, почти во всех современных учебниках и учебных пособиях по судебной психиатрии (а данный предмет, как известно, включен в вузовское образование только юристов) присутствует понимание установления вменяемости и невменяемости медиками.

Третье. Появление в уголовном законе 1996 г. новеллы – ст. 22 – нормы с претензией на «уменьшенную вменяемость» нисколько не разрешило все те проблемы, которые связывались отдельными специалистами с другим (особым) отношением со стороны законодательства к преступникам с психическим расстройством. Речь идет в первую очередь о смягчении наказания данным лицам, о соединении в отношении них карательного воздействия с медицинским (психиатрическим).

Четвертое. Вменяемость лица с психическим расстройством и не-вменяемость на почве опять же психического расстройства по сути мало- и трудноразделяемы, так как объективные критерии их различия практически отсутствуют. Где эта грань, позволяющая согласиться с вменяемостью лица с психическим расстройством, имеющим уровень, «не исключающий вменяемости»? Ведь если она объективно не определяется, то тогда вполне реальна судебная ошибка, позволяющая отправить «больного» (страдающего психическим расстройством) в «тюрьму», а «небольшого» или «недобольного» (хотя и страдающего указанным недугом, но не нуждающегося в медицинской помощи) – в «больницу». Слово «вменяемость» – производное от слова «вменяемый»; в русском языке означает «сбыточность вменения», «свойство вменяемого» лица. Вменяемым же, согласно современному словоупотреблению, является человек, «по своему психическому состоянию способный нести ответственность перед законом за свои действия». Как известно, термин «вменяемость» имеет отношение только к уголовному праву. Встречающееся в литературе его использование

в других правовых областях и науках представляется неправильным. Вменяемость – это и юридический факт, свидетельствующий о привлечении к уголовной ответственности и имеющий прямое отношение к специфическому уголовно-правовому воздействию – принудительным мерам медицинского характера, и уголовно-правовое понятие, причем, как представляется, базовое, и уголовно-правовая конструкция, и уголовно-правовая категория, свидетельствующая о способности субъекта во время совершения преступления действовать виновно, т.е. осознанно и волимо (под контролем), и «исходный пункт принципа субъективного вменения».

Сегодняшнее обращение к термину «вменяемость» показывает, что в его использовании в отечественном уголовном праве можно выделить как бы два исторических периода. Первый (до УК 1996 г.) – вменяемость имела отношение только к привлечению к уголовной ответственности, причем как «психически здоровых», так и «психически больных» лиц. При этом в уголовном законе, в частности в предшествующем (1960 г.), не был указан уровень/степень выраженности проявлений психического заболевания (речь идет о поражении центральной нервной системы), допускающий(-ая) установление вменяемости. Ведь из текста ст. 11 УК РСФСР, например, совершенно непонятно, что следует подразумевать под словами «не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими». Или чистый, 100%-й вариант, соответствующий смыслу представленного в законе, или вариант «до 100% в отношении подобного признака». Назначение принудительных мер медицинского характера могло иметь отношение к «совершившим преступление в состоянии вменяемости, и заболевшим душевной болезнью, лишаящей возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, до вынесения судом приговора». Таким образом, психическое расстройство, имевшееся у лица на момент совершения им преступления, исключалось из оценки своего влияния на преступное поведение. По мысли тогдашнего отечественного законодателя, этого влияния просто не могло быть. А раз так, то все субъекты преступления, страдавшие при совершении противоправного деяния психическим расстройством,

подвергались исключительно наказанию; медицинское (психиатрическое) же воздействие на их болезненно измененную психику оставалось на совести/усмотрении врачей пенитенциарной системы. Второй (УК РФ 1996 г.) – характеризующийся появлением возможности применения принудительного медицинского воздействия в отношении преступников, страдавших психическим расстройством на момент совершения преступления. Последнее в УК упоминается как «психическое расстройство, не исключающее вменяемости». По мнению А.В. Кислякова, «с включением в УК статьи 22, регулирующей ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, начался новый этап развития российского уголовного права в области применения института ограниченной вменяемости». Но этот период еще можно назвать и как период вменяемости с добавлением к наказанию преступников медицинской помощи. Как показал анализ литературы, под вменяемостью в отечественном уголовном праве понимают: 1) психическое состояние лица, определяющее его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими (без уточнения степени; предположительно на 100%); 2) психическое состояние лица с подобными признаками, приходящееся на конкретный момент времени – момент совершения преступления; 3) «юридический признак лица как субъекта уголовной ответственности, заключающийся в его способности по уровню психического здоровья, возраста, социализации и социально-психологического развития осознавать во время совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), руководить ими и подлежать в связи с этим уголовной ответственности»; 4) «социально-психологическую способность быть субъектом уголовной ответственности, признаваться виновным и преступником и подлежать уголовной ответственности за содеянное»; 5) «способность к вменению, т.е. психическое состояние преступника, при котором его действия могут быть вменены ему в вину». В ряде работ, особенно из недавнего «советского» прошлого, вменяемость признавалась презумпцией, понятно, правовой. Так, например, Ю.М. Антонян и С.В. Бородин в монографии «Преступность и

психические аномалии» (1987 г.) утверждают, что «правильное разрешение вопроса о вменяемости в уголовном судопроизводстве обеспечивается, если вменяемость рассматривать как презумпцию». При этом, по мнению названных авторов, «признание вменяемости в качестве правовой презумпции влечет для лица, совершившего преступление, возможность наступления уголовной ответственности без доказывания вменяемости. Установить вменяемость в ходе предварительного следствия или судебного разбирательства – значит признать, что сомнений в психической полноценности обвиняемого не имеется». Советское уголовное законодательство исходило из того положения, что «все граждане являются вменяемыми, кроме лиц, не достигших определенного возраста и душевнобольных». Но с данным пониманием проблемы, соответствующим тогдашнему (например, предшествующему) уголовному закону, сегодня трудно согласиться – прежде всего по причине появления в законе нормы (ст. 22), в которой присутствует указание на вменяемость у лиц с психическим расстройством. Ведь тогда получается, что принимается без доказательства информация как о наличии у вменяемого лица психического расстройства, так и об отсутствии последнего. Возможность присутствия психического расстройства у обвиняемого, таким образом, «путает карты», отсюда неизбежен вывод: вменяемость всегда нужно доказывать. В противном случае, если исходить из положения «вменяемость как презумпция», наказанию может быть подвергнут человек с психическим расстройством, пусть и невыраженного уровня, но требующим своего медицинского вмешательства/воздействия, обоснованного по всем жизненным (социально-личностным) параметрам. Если исходить из современной теории уголовного права и всего законодательного представления по рассматриваемому вопросу, вменяемость являет собой базовую уголовно-правовую категорию, которой по сути соответствует двойное условие. Первое – оно облигатное и связанное с привлечением лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Второе – факультативное – применение к нему наряду с наказанием принудительных мер медицинского характера. Понятно, что последние могут иметь отношение к лицам с психическим

расстройством, «заявившим» о себе на момент совершения преступления и при наличии определенных обстоятельств медико-социального характера. Таким образом, вменяемость – базовая уголовно-правовая категория, представляющая по сути облигатное условие привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, а также условие возможного применения к нему наряду с наказанием принудительных мер медицинского характера. Сегодняшнее уголовное законодательство позволяет вменяемость рассматривать неоднозначно и представлять как вменяемость у лица без психического расстройства («бесфоновая» вменяемость) и как вменяемость у лица с психическим расстройством («фоновая» вменяемость – на фоне психиатрической патологии).

Криминальное поведение лиц, имеющих психические расстройства, исключаящие вменяемость

Среди всех совершаемых противоправных действий на долю лиц с психическими расстройствами приходится менее одного процента, а на всех зарегистрированных официальной статистикой лиц, совершивших общественно опасные деяния и признанных невменяемыми, приходится менее двух процентов. Следует учесть, что значительное число дел об общественно опасных деяниях невменяемых не доходит до суда, поскольку они прекращаются еще на стадии предварительного расследования. 39,7% составили больные с психозами, 31,3% – с психическими расстройствами непсихотического уровня (заболевания, связанные с атрофическими процессами в головном мозге), 29,0% – лица с умственной отсталостью. В научной литературе существуют противоречивые взгляды на опасность психически больных для общества, значение психопатологических феноменов и роль социальных факторов в формировании противоправного поведения душевнобольных, прежде всего, больных шизофренией, которые составляют более 39,7% лиц, признанных невменяемыми. В отдельных областях России (во Владимирской, Костромской, Рязанской областях) из числа невменяемых более 60% составляют больные шизофренией. Риск больного, страдающего шизофренией, стать насильственным преступником примерно в девять раз выше,

чем для других групп заболеваний. По результатам выборочных исследований, среди совершенных неменяемыми деяний занимают: первое место – кражи, грабежи, разбои и другие хищения (44,5%); второе – убийства и причинение телесных повреждений (23,7); третье – хулиганство (15,1%); четвертое – сексуальные правонарушения (2,2%); пятое – все иные деяния, предусмотренные различными статьями УК РФ (14,5%). Большинство общественно опасных деяний совершается неменяемыми в возрасте от 18 до 40 лет. Несовершеннолетние составляют 4%; лица в возрасте 41–50 лет – 16%, а свыше 50 лет – 9% к общему числу преступников, признанных неменяемыми. Рецидив общественно опасных действий у неменяемых составляет от 15% до 85% (в зависимости от вида преступления). Около 2/3 неменяемых при совершении общественно опасных деяний находились в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что значительное число общественно опасных деяний неменяемых совершено на почве семейно- бытовых отношений: в 90% случаев потерпевшими бывают дети, супруги, другие родственники, соседи, знакомые и т.п. В России доля убийств, совершенных неменяемыми, достигает 5–10%. По данным отдельных исследований, мужчины, больные шизофренией, в три раза (по другим данным, – в 6,5 раз) чаще осуждались за насильственные действия, чем в контрольной группе. При этом риск агрессивных действий у больных шизофренией мужчин не снижается с возрастом. Доля женщин, больных шизофренией и совершивших насильственные правонарушения, в среднем выше, чем в популяции правонарушителей. Изучая возрастные особенности противоправного поведения, ряд ученых пришли к выводу, что неменяемые больные подросткового и юношеского возраста чаще всего совершают корыстные, корыстно-насильственные, сексуальные преступления и посягательства на общественный порядок. В возрасте от 20 до 50 лет усиление асоциальной активности наблюдалось у больных шизофренией с длительными латентными состояниями, интеллектуальной и социальной деградацией личности. Старение населения и рост числа психически больных пожилого возраста привели к увеличению

общественно опасных действий, совершенных психически больными старше 50 лет. Старческие психические аномалии, в том числе слабоумие, чаще фиксируются в развитых странах. Но это не значит, что их меньше в развивающихся, просто они там хуже диагностируются. Среди уголовно наказуемых деяний, совершенных стариками, отмечен высокий удельный вес особо опасных преступлений против жизни и здоровья, но более низкий уровень имущественных преступлений. Семья играет главенствующую роль в становлении и формировании личности в детстве и остается важным фактором в подростковом и юношеском возрасте, когда закладываются и развиваются основные нравственные свойства личности, система его установок и отношение к реальной действительности. Лица, совершившие общественно опасные деяния, чаще всего росли вне родительской семьи (у родственников, в детских домах, интернатах), в неполных семьях, нередко воспитывались душевнобольными родителями. Материально-бытовые трудности в семье обычно сочетаются с конфликтными взаимоотношениями между родителями, их пьянством, противоправным поведением, паразитизмом и иными формами проявления маргинальности. Конечно же, и собственный криминальный опыт, и пребывание в асоциальных группах и местах заключения также влияет на формирование нравственных и правовых установок и ценностных ориентаций больного, увеличивает риск совершения им новых преступлений. Отмечено, что уровень социальной адаптации больных, совершивших преступления, ниже, чем у лиц здоровых и без асоциальных тенденций. Более половины больных из числа совершивших преступления не могли создать собственных семей, продолжали жить совместно с родителями. В этих случаях характер сложившихся взаимоотношений в семье, наряду с клиническими проявлениями патологического процесса в психической деятельности, в наибольшей степени влиял на поведение данных лиц. Необходимо отметить важность позитивных социальных контактов с близкими в предотвращении агрессивного поведения больного, особенно при ухудшении его психического состояния. Непонимание родственниками его самочувствия и переживаний, искаженных в значительной степени болезнью, отношение к его

поведению как к капризу и проявлению эгоизма, дискредитация личности больного, отношение к нему как к человеку второго сорта нередко провоцируют его общественно опасное поведение. Анализируя факторы риска за последние десять лет, необходимо отметить, что для больных шизофренией наибольшее значение имели тяжелые материальные условия (65,3%) и социальная незащищенность (60,4%). Меньшее влияние оказывало проживание в неблагоприятном микросоциуме (конфликты в семье – 32,7%, асоциальное окружение – 29,7%). На третьем месте стояли потеря работы (19,8%) или возможности работать в индивидуальных условиях (16,8%). Таким образом, преступность лиц, имеющих психические расстройства, исключая вменяемость, обладает определенными, достаточно устойчивыми криминологическими характеристиками, а личность и механизм совершаемых ими деяний обусловлены специфическими, свойственными заболеванию, криминогенными чертами и особенностями. И хотя доля лиц, страдающих психическими расстройствами, невелика среди всех выявляемых преступников, социальная опасность их весьма значительна: она обусловлена непредсказуемостью их общественно опасного поведения, тяжестью и повторностью совершаемых антиобщественных деяний. Соответственно, и предупреждение их криминальных действий требует неоднозначных, комплексных подходов, тесного взаимодействия деятельности медицинской службы, правоохранительных органов, социальных учреждений.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что такое вменяемость?
2. Чем характеризуются медицинский и юридический критерий вменяемости?
3. Охарактеризуйте представления о вменяемости как о признаке субъекта преступления по зарубежному уголовному законодательству.
4. Существуют ли особенности привлечения к уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемость?
5. Какие точки зрения на проблему «ограниченной вменяемости» существуют в российской уголовно-правовой науке?

5. Проблемы теории специального субъекта преступления

Проблемы теории специального субъекта преступления сложны. Это обусловлено рядом обстоятельств а) «человек как субъект есть именно действующая сила, а не покоящееся «наличное бытие»; б) «человек, социальная группа или человечество в целом становятся субъектом тогда, когда выступают как носители деятельности по преобразованию (практическому или духовному), познанию, ценностному осмыслению, художественному освоению объективной реальности, вступая при этом во взаимодействие с другими субъектами»; в) «основными атрибутами субъекта являются активность, опосредованная свободным выбором целей и средств своей деятельности; будучи носителем свободы, каждый субъект оказался уникальным, отличным от всех других субъектов и в принципе невозпроизводимой, неповторимой системой, поскольку свободная деятельность мотивируется духовно, а не инстинктивно-автоматически и не механически и не позиционно...». Отсюда мы можем заключить следующее: если для измерения, учёта, описания, категоризации природных тел зачастую вполне достаточно их количественных признаков, то для познания свободно и постоянно действующего субъекта всегда существует потребность в поиске и оценке его общих, особенных и единичных свойств.

Общеправовой аспект. Юристам хорошо ведомо, что право есть приложение равной меры к заведомо неравным (индивидуальным, особенным) людям и обстоятельствам. Отсюда важен поиск поправочных коэффициентов, способных хотя бы частично сгладить имманентную несправедливость юридического регулирования. На эту роль найдены и эксплуатируются такие средства, как аналогия, прецедент, искусное (расширительное и ограничительное) толкование, исключительные нормы. Уголовное право в силу своей принудительности и постоянного правозащитного давления лишено большей части из названных методов приспособления своих стандартов к жизни. В таких условиях закономерно возрастает значение оставшихся (дозволенных) приёмов. Самым приемлемым из них надлежит признать исключительные нормы, поскольку они изготавливаются тем же субъектом, что и общие, – законодателем. Появление и

существование последних, между прочим, накрепко увязано с трёхмерной рефлексией познания. В уголовном праве, в частности, учреждаются нормы Общей части (категория всеобщего), описываются индивидуальные варианты преступлений в Особенной части (категория единичного), а на переходную ступень (категория особенного) отрасль реагирует с помощью исключительных либо поправочных норм, отражающих естественные противоречия между бурной жизнью и костенеющей догмой. К ним относятся, в частности, эксцессы правомерных действий, положения об обратной силе закона, добровольном отказе, сроках давности преследования, ограниченной вменяемости, двойной или смешанной вине. Исключительные или поправочные нормы в сфере юриспруденции занимают промежуточную позицию между общими и специальными предписаниями, отражают категорию особенного. Для уголовного права это показательно для следующих комбинаций: основные – квалифицированные – привилегированные составы; необходимая оборона – превышение её пределов – обычные преступления против личности; общие начала назначения наказания (ст. 60 УК) – смягчающие и отягчающие обстоятельства (ст.ст. 61 и 63 УК) – исключительные обстоятельства (ст. 64 УК); основные – «смешанные» – дополнительные наказания; общий субъект преступления – специальный субъект – личность преступника. В сугубо отраслевом аспекте учение о специальном субъекте преступления имеет несколько граней, нуждающихся в развитии. 1. В то время, как в доктрине спорадически вспыхивают дискуссии о статусе субъекта и спецсубъекта в рамках состава преступления (кто он – самостоятельный элемент состава или всего лишь условие уголовной ответственности?), когда возбуждается древний вопрос об объекте карательного права или старинная дилемма о том, наказывается деяние либо преступник, А.И. Бойко считает, что «гуманизация уголовного права пройдёт и по линии увеличения». Увеличение числа спецсубъектов – вот канал медленного очеловечивания уголовного права, распространения всё большего числа индивидуальных характеристик злодея на область решения основного вопроса отрасли (допустима ли уголовная ответственность вообще)». С этим предположением трудно не

согласиться, ибо развитие идёт обычно по периферии, а периферия – вотчина особенного, ибо усложнение социальной организации человечества неминуемо сопровождается увеличением специальностей, должностей, квалификаций. Специальный субъект преступления, будучи признан доктриной и запущен в юридический оборот, требует своего дихотомичного партнера – специальных субъектов наказаний. Данная связка практически не упоминается в науке, может быть, потому что проблематике классификации уголовных наказаний катастрофически не хватает интереса исследователей. Дихотомия есть объяснительная конструкция, которая «давно известна мировой философии», «способ снятия диалектических противоречий», путь к желанной «золотой середине» в условиях «недостаточности обобщённых юридических регламентов для полных и точных характеристик индивидуальных событий».

Аналогично наука могла бы поискать выгоду от поиска сочетаний и гармонии между привычным «специальным субъектом преступления» и пока неизведанным «специальным потерпевшим». Этот термин был предложен А.Л. Смирновым: «уголовное законодательство давних пор предусматривает повышенную уголовную ответственность за посяательства на некоторые категории лиц и только в тех случаях, когда нападения осуществляются по мотиву мести за выполнение ими своих публичных обязанностей. Назовём условно эти категории граждан спецпотерпевшими». К ним, «помимо высших представителей власти, судей и сотрудников правоохранительных органов (ст.ст. 277, 295-298, 317-319, 333-334, 360 УК) относятся и рядовые граждане, когда они выполняли общественно-полезные функции или свой долг – хотя бы и на временных условиях, в разовом порядке».

Классификация специальных субъектов преступлений

1. Правовое положение, социальная роль и гражданская принадлежность лица. Нередко правовое положение лица выступает в качестве специального признака субъекта. Так, в ст. 308 УК РФ при отказе свидетеля или потерпевшего от дачи показаний субъектом преступления признается лицо, достигшее 16 лет, вызванное в качестве свидетеля или признанное по делу

потерпевшим. Согласно примечанию к данной статье лицо не подлежит ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников. В этом примечании, по существу, воспроизведено содержание ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, основываясь на котором Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 постановления от 31.10.95 №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» (Бюллетень Верховного Суда РФ, 1996. № 1) разъяснил, что при рассмотрении гражданских и уголовных дел судам необходимо учитывать, что в силу ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется Федеральным законом. Гражданская принадлежность лица играет решающую роль при разграничении такого состава, как государственная измена (ст. 275 УК РФ) и шпионаж (ст. 276 УК РФ). Субъектом государственной измены является только гражданин Российской Федерации, достигший 16 лет. За шпионаж, совершенный иностранным гражданином или лицом без гражданства, ответственность наступает по ст. 276 УК РФ.

2. Должностное положение лица. Зачастую важное значение имеет разграничение признаков должностного лица (ст. 285, 2851, 2852, 286, 287, 289, 290, 292, 293 УК РФ) и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации (ст. 196, 201 и 204 УК РФ). Несмотря на то, что законодатель характеризует аналогичными признаками должностное лицо и лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, содержание данных признаков различно: во-первых, субъектами должностных преступлений признаются должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и Вооруженных Сил РФ. Субъектами же незаконного получения коммерческого подкупа (согласно п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ) могут быть и признаны лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации. И, во-вторых, должностное лицо имеет право выдавать от имени государственного или муниципального учреждения официальные документы, имеющие юридическую силу. К тому же возникает

вопрос, почему санкции за преступления, совершенные должностными лицами, выше, чем за аналогичные, но совершенные лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации. Например, срок лишения свободы за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 284 УК РФ) составляет по ч. 1 четыре года, а за злоупотребление полномочиями (ст. 204 УК РФ) – три года. Представляется, что этим нарушается Основной Закон страны, в частности ст. 19 Конституции РФ, провозглашающая равенство всех перед законом независимо от имущественного и должностного положения и иных различий. Также высказываются обоснованные доводы в пользу уточнения понятия должностного лица, так как существующая редакция неоправданно сужает круг субъектов преступлений. Так, В.К. Максимов предлагает включить в круг лиц, подпадающих в соответствии с текстом примечания 1 к ст. 285 УК РФ под определение должностного лица, государственных служащих, представляющих интересы государства в коммерческих организациях. К должностным лицам должны быть по своему статусу приравнены совершившие преступления в связи с постоянным, временным либо по специальному полномочию выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций руководители и другие работники иных коммерческих и некоммерческих организаций, а также лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, если законом не установлено иное. В случае принятия такой формулировки должностного лица ст. ст. 201 и 204 подлежат исключению из УК РФ.

3. Профессиональная деятельность лица, а также характер выполняемой работы. Отдельный состав преступлений предусматривает наличие у субъекта определенных знаний и навыков по конкретной профессии и специальности. Так, субъектом незаконного производства аборта (ст. 123 УК РФ) может быть лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля, т. е. врач, специальность которого не дает ему права производить подобные операции (терапевт, стоматолог и пр.), если при этом не было состояния крайней необходимости (например, при срочном производстве аборта по

медицинским показаниям на борту морского судна, находящегося в автономном плавании, и т. п.). Спортсмены являются субъектами состава преступления, предусмотренного в ч. 3 ст. 184 УК РФ (подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов). Наказание в этой части значительно мягче, нежели в ч. 4 ст. 184 УК РФ, субъектами которой являются спортивные судьи, тренеры, руководители команд и другие участники или организаторы профессиональных спортивных соревнований, а равно организаторы или члены жюри зрелищных коммерческих конкурсов.

4. Демографические признаки и физические свойства личности виновного (пол, возраст, состояние здоровья, трудоспособность и т. д.) Данную группу составляют признаки, относящиеся к возрасту (совершеннолетний), полу (мужчина или женщина), состоянию здоровья и трудоспособности. Ярким примером может служить состав ст. 106 УК РФ – убийство матерью новорожденного ребенка. Исполнителем данного преступления может быть только мать новорожденного ребенка. Однако в качестве подстрекателя или пособника может выступать и другое лицо (отец ребенка, акушерка). Напротив, убийство новорожденного, совершенное другим лицом даже с согласия или по просьбе матери, квалифицируется не по ст. 106, а по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ.

5. Военная служба как особый вид государственной службы определяет круг субъектов преступлений против несения военной службы. В российском уголовном праве вопрос о субъекте военно-уголовного законодательства в достаточной мере не исследован и законодательно не определен. Основные усилия военных ученых-криминалистов направлены на исследование сущности субъекта преступления против военной службы. «Субъектами преступлений против интересов военной службы (могут быть не только военнослужащие, но и иные лица, не являющиеся таковыми). Их посягательства выражаются в противодействии военным органам и отдельным военнослужащим. Это принципиально новое и довольно смелое для теории отечественного уголовного права суждение открывает новую страницу в развитии военно-уголовного

законодательства России. Настало время в теоретическом плане объединить многочисленные нормы УК РФ, в которых прямо или косвенно затрагиваются интересы военной организации государства, и на их основе сформировать концепцию военно-уголовного законодательства в широком смысле как совокупности норм, предусматривающих ответственность за все посягательства на военную безопасность».

6. Взаимоотношения субъекта с потерпевшим (признаки, характеризующие либо родственные отношения субъекта с потерпевшим и другими лицами, либо служебные или иные отношения, от которого потерпевший зависит материально). В частности, субъект злостного уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ч. 1 ст. 157 УК РФ) – лицо, являющееся родителем (отцом или матерью) несовершеннолетнего или совершеннолетнего нетрудоспособного лица, в чью пользу решением суда взысканы средства, независимо от того, обладает ли это лицо в настоящий момент родительскими правами или лишено их, а также усыновитель указанных лиц, независимо от того, отменено ли усыновление в настоящий момент. На основании и в порядке, предусмотренном семейным законодательством, родитель может быть лишен родительских прав или у него может быть отобран ребенок без лишения таких прав с передачей его на попечение органов опеки и попечительства. Ни одна из этих мер не освобождает родителей от обязанностей по содержанию детей. Следовательно, при злостном уклонении от исполнения своих обязанностей они являются субъектами преступления по ч. 1 ст. 157 УК РФ. По ч. 2 ст. 157 УК РФ к уголовной ответственности могут привлекаться только совершеннолетние трудоспособные дети или усыновленные. 7. Особый правовой статус некоторой категории лиц (осужденные и т. п.) и др. Субъектом ненадлежащего исполнения обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 225 УК РФ) является лицо, которому поручена охрана огнестрельного и44 оружия, других видов оружия массового поражения и предметов, указанных в ст. 225 УК РФ. Если указанное преступление совершено военнослужащим из состава караула, расчета боевого дежурства, внутреннего наряда, которым

поручена охрана огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других, указанных в данной статье предметов, то в конкретных случаях преступные действия таких военнослужащих могут быть дополнительно квалифицированы по ст. ст. 340, 342, 344 УК РФ. При дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), субъектом преступления являются лица, содержащиеся в местах лишения свободы или в местах содержания под стражей, вменяемые, достигшие 16 лет. Осужденные или заключенные под стражу в возрасте от 14 до 16 лет привлекаются за подобные деяния по статьям УК РФ о преступлениях против личности. Кроме преступлений, совершаемых специальными субъектами, закон содержит и такой состав преступлений, совершить который может более узкий круг специальных субъектов. В системе состава воинских преступлений имеются такие деяния, субъектами которых могут быть не все военнослужащие, а лишь их некоторые категории, в каждом конкретном случае указанные в диспозиции нормы. Скажем, субъектом неповиновения может быть только подчиненный (т. е. военнослужащий, по служебному положению или воинскому званию находящийся в подчинении начальника; субъектом преступлений против порядка несения специальных видов военной службы могут быть не все военнослужащие, а лишь те, которые входят в состав соответствующего наряда и т. д.). Таким образом, отсутствие в уголовном законодательстве однозначного определения специального субъекта порождает на практике большое количество коллизий, что, в свою очередь, приводит к вынесению неправосудных приговоров. Так, по приговору военного суда Астраханского гарнизона М. признан виновным в неявке в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше месяца и осужден по п. «в» ст. 246 УК РСФСР к направлению в дисциплинарный батальон сроком на один год и шесть месяцев. Из материалов дела следует, что М. гражданином Российской Федерации не являлся: родился в 1976 году в городе Баку, по национальности – лезгин, прибыл в Россию в марте 1992 года, после вступления в силу Закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации». После прибытия из Азербайджана в Российскую Федерацию М. не

поднимал вопроса о принятии гражданства. Следовательно, он был необоснованно призван в Вооруженные Силы РФ. Поэтому он не мог быть субъектом воинских правоотношений и нести уголовную ответственность за воинские преступления. Рассмотрев дело в кассационном порядке, военный суд Северо-Кавказского военного округа в отношении М. отменил приговор и прекратил дело за отсутствием состава преступления по п. 2 ст. 5 УПК РСФСР. В подобных случаях такие дополнительные, специфические признаки, присущие только конкретному преступлению или виду (роду) преступлений, содержатся вне рамок уголовного законодательства, поскольку включение такого большого массива признаков, свойств в уголовный закон (в диспозицию конкретных норм) практически нереально, хотя к этому, по возможности, нужно стремиться. Логично было бы в определении «специальный субъект» непосредственно указать, что дополнительные признаки могут содержаться и в иных законодательных актах (бланкетные признаки). Учитывая вышеизложенные признаки и определения специального субъекта, наиболее удачной представляется формулировка, предложенная С.С. Аветисяном: «Специальный субъект преступления (субъект преступления со специальным составом) — это лицо, являющееся надлежащим субъектом специальных общественных отношений, охраняемых уголовным законом, и совершившее предусмотренное этим законом общественно опасное деяние, связанное с нарушением возложенных на него обязанностей, обладающее наряду с общими и дополнительными признаками, указанными в диспозиции статьи Особенной части или непосредственно вытекающими из уголовного закона, а в необходимых случаях, перечисленных в иных законодательных актах, свидетельствующих о его возможности и способности совершить соответствующее деяние и нести уголовную ответственность в качестве исполнителя преступления». Как уже отмечалось, существование и выделение в уголовном праве понятия специального субъекта обусловлено спецификой отдельных видов преступлений, совершение которых возможно только в сфере специальных отношений лицами, надлежащим образом включенных в систему этих отношений. Причем независимо от того, названы ли признаки специального

субъекта в самом тексте закона (статье или 116 примечании к ней) или они выводятся путем толкования, — их наличие обязательно для данного состава преступления. Таким образом, закрепление в законодательстве определения специального субъекта и классификации таких признаков являются важным условием как для устранения коллизий, возникающих в судебной практике, так и для квалификации преступлений. Кроме того, актуальность этого обусловлена ростом преступлений в сфере профессиональных отношений и их повышенной общественной опасностью.

Профессиональные функции как признак специального субъекта преступления

Одним из сложных и актуальных вопросов современной уголовно-правовой теории и практики является вопрос об установлении и реализации уголовной ответственности за нарушение лицом своих профессиональных обязанностей и функций. Ответственность эта находит выражение и в конструировании особых составов преступлений, и в установлении специальных квалифицирующих признаков, и разработке специфических видов уголовного наказания. При всем многообразии подходов законодателя к определению уголовно-правовых последствий нарушения профессиональных правил общим моментом является признание особого уголовно-правового статуса лица, совершающего преступление при исполнении профессиональных обязанностей. Однако характеристика этого субъекта в современных научных исследованиях представлена, на наш взгляд, недостаточно полно, что одновременно и способствует объяснению встречающихся ошибок правоприменения, и актуализирует потребность в самостоятельном научном анализе проблемы. Несмотря на то, что в уголовном законе почти 40 % правовых предписаний в той или иной форме предусматривают связь преступления с профессиональными функциями субъекта, криминологическая статистика убедительно свидетельствует, что в общем массиве лиц, реально совершивших преступления, основная масса сегодня — те, кто не имел постоянной работы или определенных занятий. На их долю приходится 65,7 % выявленных лиц. Еще 6,5 % — учащиеся и студенты. Итого, лишь 27,8 % лиц,

выявленных за совершение преступлений, на момент их совершения имели постоянное место работы; из них: 74,8 % – наемные работники, 17 % – служащие, 4,9 % – предприниматели без образования юридического лица, 1,7 % – работники органов государственной власти, 1,6 % – работники сельского хозяйства. Род занятий преступника напрямую коррелирует с преступлением. Достаточно указать, что из общей массы осужденных лиц, не имеющих постоянного места работы, 62,5 % осуждены за совершение общеуголовных преступлений против личности и преступления против собственности. Исходя из этого, можно предположить, что лица, имеющие какое-либо место работы или службы, в случае совершения преступления будут в большей степени ориентированы на использование тех возможностей, которые им предоставляет выполняемая работа или занимаемая должность, либо будут совершать преступления во время исполнения профессиональных обязанностей. Однако это предположение, хотя и может быть верным, все же не является жестким, абсолютным. Большая часть выявленных в стране преступлений – это общеуголовные корыстные или бытовые посягательства (кражи, грабежи и др.), при совершении которых профессиональные навыки и возможности даже работающих субъектов не имеют значения. Это подтверждает и судебная статистика, отражающая факты применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Оно применяется хотя и за весьма широкий спектр преступлений (транспортные, должностные, экономические преступления, преступления против собственности, против жизни и здоровья и др.), но в крайне ограниченных масштабах (0,03 % осужденных оно было определено в качестве основного и 1,2 % осужденных – в качестве дополнительного наказания). Все это приводит к выводу о том, что далеко не каждое совершенное работающим или служащим лицом преступление связано с его профессиональной деятельностью, хотя практически любое преступление может быть совершено лицом при исполнении профессиональных обязанностей. В представленных цифрах отражено существенное расхождение между моделями тех деяний, которые признаются законодателем преступными, и реальными

возможностями социально-правового контроля над преступностью. Однако это тема отдельного и не нашего исследования, а потому не станем углубляться в ее обсуждение. Просто констатируем факт: при том, что законодательных конструкций составов преступлений, отражающих связь деяния с профессиональными функциями субъекта, достаточно много, основная масса совершаемых в стране преступлений не связана с профессиональным статусом их субъекта. Это актуализирует вопрос о критериях, при наличии которых законодателю все же целесообразно указывать на наличие тех или иных профессиональных особенностей у лица, совершающего преступления непосредственно в статье УК РФ. В самом общем виде можно утверждать, что уголовная ответственность за нарушение профессиональных функций фиксируется в законе лишь в том случае, если при совершении преступления профессиональный статус виновного лица становится критически важным с криминологической, социальной и уголовно-политической точек зрения. И в таких случаях законодатель всегда указывает профессиональную принадлежность виновного в качестве значимого признака состава преступления; статус субъекта преступления здесь будет всегда специальным. Специальным субъектом преступления (с некоторыми несущественными различиями) в отечественной доктрине признается лицо, помимо вменяемости и возраста, обладающее каким-либо иными, дополнительными признаками, прямо указанными в законе и (или) непосредственно вытекающими из его толкования, которые ограничивают круг лиц, способных совершить и нести ответственность за то или иное преступление. Детализируя круг специальных субъектов преступления, специалисты приводят различные классификации и по-разному определяют классификационный статус лиц, совершающих преступление при нарушении профессиональных функций. Так, в некоторых случаях профессиональные признаки субъекта рассматриваются лишь как составная часть более широкой группы признаков – социальной роли и правового положения, на основании которых и выделяется группа специальных субъектов. В других исследованиях профессия, служебное положение, род занятий, особенности выполняемой работы приобретают статус самостоятельных

критериев, на основании которых выделяются отдельные классификационные группы специальных субъектов. Вместе с тем такие решения не вполне оправданны, поскольку они либо нивелируют, либо, напротив, гипертрофируют профессиональный статус субъектов. Более обоснованным представляется подход тех специалистов, которые, обособляя профессиональный признак субъекта в самостоятельный критерий классификации, в то же время объединяют им такие признаки, как должностное или служебное положение, профессиональный статус и род занятий. Включение законодателем в описание признаков субъекта каких-либо специальных признаков, очевидно, не должно и не может быть произвольным. Между тем в отечественной науке уделяется мало внимания проблеме оснований, при наличии которых в законе целесообразно указывать на признаки специального субъекта. В ее решении следует, на наш взгляд, исходить из двух посылок. Во-первых, следует учитывать общее понятие признака состава преступления. Как и любой иной признак состава преступления, признак специального субъекта: а) определяет общественную опасность, противоправность и наказуемость деяния; б) выражает отличие деяния от иных преступлений и правонарушений; в) не является производным от других признаков; г) присущ всем преступлениям определенного вида. Следовательно, в случаях, когда характеристики субъекта не отвечают этим требованиям, они не могут быть поименованы в законе. Во-вторых (и это, пожалуй, главное), закреплению признаков профессии, работ или должности в качестве обязательной характеристики субъекта преступления должна предшествовать работа по исследованию механизма совершения преступления. Полагаем, что такое закрепление возможно лишь в случае, когда при совершении преступления лицо использует предоставленные работой, службой или профессией возможности либо причиняет вред объектам правовой охраны ненадлежащим исполнением своих профессиональных функций. Иными словами, признаки специального субъекта должны быть непосредственно связаны с процессом причинения вреда, а через него — с объектом посягательства и последствиями. В современной литературе встречаются попытки придать этому тезису всеобщее значение. В частности, Н. В. Генрих пишет, что «субъектом

уголовно-правовых отношений (лицом, совершившим преступление) может выступать только лицо, которое в качестве субъекта включено в отношение, составляющее предмет уголовно-правовой охраны и урегулированное иными отраслями права». Не углубляясь в дискуссию по этому общему и большому вопросу (цитированная позиция имеет право на существование при условии признания объектом преступления лишь правоотношений, как это заявляет Н. В. Генрих, что само по себе требует доказательств и далеко не бесспорно), подчеркнем, что в ситуации нарушения тех или иных профессиональных правил такое решение совершенно справедливо. Вместе с тем очевидно, что характер работы, круг выполняемых обязанностей и профессиональных возможностей, предметы профессионального воздействия и взаимодействия у представителей различных профессий далеко не идентичны, равно как различается и выступающий следствием этого уровень их криминогенности. Вычислить вовлеченность представителей тех или иных профессий в процесс совершения преступлений, в преступность крайне сложно, как ввиду особенностей демографической статистики и организации статистического учета преступности, так и в силу отсутствия жесткой зависимости между профессиональным статусом преступника и совершенным преступлением. Вместе с тем некоторые общие, самые приблизительные сведения о криминогенности профессиональных статусов можно почерпнуть из результатов криминологического измерения преступности. Для изучения объемов и интенсивности вовлеченности в преступность представителей тех или иных социальных (в том числе профессиональных) групп в криминологии используется такой показатель, как коэффициент криминальной активности (или коэффициент криминальной пораженности). Он представляет собой отношение удельного веса преступников из определенной категории граждан к удельному весу всех граждан данной категории в структуре населения. При значении показателя меньше единицы можно говорить о слабой вовлеченности социальной группы в преступность, при значении выше единицы – об относительно высокой. При всей относительной условности коэффициента криминальной активности он крайне важен, поскольку наглядно свидетельствует:

криминогенность различных профессиональных групп (а следовательно, и профессий как таковых) имеет значимые количественные отличия. Они определяются, помимо прочего, самим содержанием профессиональной деятельности субъекта. В данном случае не имеет значения сфера приложения профессиональных знаний и усилий субъекта (торговля, уголовно-исполнительная система, производство товаров народного потребления, полиция и др.). Она может быть важна лишь для разработки проблем криминологической характеристики профессиональных статусов и определения программ предупреждения преступности в той или иной производственной сфере, а также для решения криминалистических и иных задач, связанных с выявлением и расследованием преступлений. С позиции же уголовно-правовой характеристики и моделирования исследуемых преступлений более значима классификация содержания профессиональной деятельности на два типа: а) производственная и б) управленческая. Под производственной деятельностью мы понимаем выполнение работ или оказание услуг, которые определены трудовой функцией работника или содержанием заключенного им гражданско-правового договора. Такая деятельность практически всегда требует образования определенного содержания и уровня, навыков, компетенции. В уголовном законе на субъекта такого типа указывают либо описание нарушенных лицом правил (например, нарушение правил пожарной безопасности), либо описание механизма причинение вреда (например, причинение смерти вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей). Содержание управленческой деятельности связано уже не только с профессией или образованием, но и, что важно, с занимаемой должностью. Она предполагает выполнение лицом организационно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных функций. В уголовном законе соответствующая группа субъектов обозначается либо путем прямого указания на наличие у лица управленческих функций (должностное лицо, государственный или муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом, лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, лицо, использующее при

совершении преступления свое служебное положение), либо путем указания на профессию (следователь, лицо, производящее дознание и т. д.). В этом проявляется значимая специфика управленческой деятельности, которая состоит в том, с одной стороны, она может осуществляться в любой производственной области, хотя и строго ограниченным кругом субъектов; а с другой стороны, для некоторой группы субъектов управленческая деятельность является, по сути своей, производственной (такое совмещение управленческих и производственных функций, к примеру, можно встретить у судей, прокуроров, следователей и некоторых других работников). Надо учитывать, что прямой зависимости между типом профессиональной деятельности и интенсивностью участия лиц в преступлениях нет. Мы не можем утверждать, что «производственники» менее криминогенны, нежели «управленцы», или наоборот. Но вполне очевидной представляется связь между типом профессиональной деятельности и социальной направленностью посягательства. Мы имеем все основания утверждать, что специфика выполняемой работы и занимаемой должности оказывает воздействие как на личностные особенности субъекта, так и на параметры окружающей его социальной среды, а через них на вид совершаемого преступления, характер и объем причиняемых последствий, объект посягательства, а в итоге – на характер и степень общественной опасности преступления. В силу этого тип профессиональной деятельности субъекта не только может, но и должен учитываться законодателем при конструировании составов преступлений, связанных с нарушением профессиональных функций, и определением санкций за их совершение.

Развитие наказаний за преступления со специальным субъектом в отечественном уголовном праве

Исследование эволюции уголовных наказаний за преступления со специальными субъектами направлено на выявление исторических закономерностей в уголовно-правовой наказуемости лиц, совершающих преступления с использованием своего социального статуса или роли. Существование таких закономерностей вытекает из природы права, незыблемого в части

защиты абсолютных ценностей свободы, справедливости и равенства и одновременно обусловленного актуальной социальной действительностью. С учетом качественной социально-экономической и политической специфики общественных отношений выделяются следующие исторические периоды: права Древней Руси; права Московского государства; права эпохи абсолютизма и неоабсолютизма; права Советского государства и современного российского уголовного права. Анализ норм Русской Правды, Псковской и Новгородской судных грамот показывает, что уголовные наказания за преступления со специальными субъектами в Древней Руси имели исключительно денежный характер, в основном взыскивались в пользу князя, лишь в отдельных случаях – частично в пользу потерпевшего. В целом это позволяет характеризовать древнерусское право как привилегированное. В то же время оно содержит примеры предъявления более строгих требований к служебному поведению высших должностных лиц. Уголовное право периода Московского государства представлено такими крупными законодательными актами, как Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное Уложение 1649 г. Имевшие место процессы централизации государства требовали от московских князей твердой и жесткой политики, направленной и против «вольного» чиновничества, и против народа. Этим объясняется специфика законодательных актов, запрещавших, с одной стороны, злоупотребления по службе под страхом сурового наказания, а с другой стороны – стремящихся пресечь любые формы инакомыслия. По Судебникам 1497 и 1550 гг. совершение преступлений специальными субъектами различных видов могло повлечь следующее из наказаний: обязанность возмещения убытков с указанием на индексацию суммы возмещения; денежные штрафы – продажу, пеню, бесчестье; битье кнутом; торговую казнь; заключение в тюрьму, в том числе на неопределенный срок; исключение из службы; удаление из должности; смертную казнь. Конъюнктурные особенности обстановки принятия Соборного Уложения 1649 года заключались в том, что чиновничество скорее противостояло монарху, чем являлось его поддержкой и опорой. В целом это было связано с продолжением процессов централизации государства и ослаблением центральной власти в связи со Смутой.

Ужесточение ответственности за преступления по службе выражалось в установлении телесных наказаний и смертной казни. В то же время число специальных наказаний увеличилось за счет новых видов – убавления оклада и отказа в правосудии. Неоднозначное уголовно-правовое положение должностных лиц, составляющих основную часть видов специальных субъектов преступления, проявлялось в том, что должностное положение виновного не влияло на саму возможность привлечения к уголовной ответственности, но в определенной степени воздействовало на выбор вида наказания. Последний предопределялся местом объекта посягательства в представлении монарха об иерархии системы ценностей, поэтому должностные преступления вызывали потребность покарать виновного как ослушника царского приказа. Указанный подход сохраняется вплоть до периода становления абсолютизма, когда одним из основных законов Российской империи стал «Артикул воинский» 1715 года. Обстановка, в которой принимался «Артикул» – это обстановка преобразований традиционной, самодостаточной России в прогрессивную, лучшую среди равных европейскую державу. Анализ санкций «Артикула воинского» приводит к заключению о том, что смертная казнь, телесные и членовредительские наказания, а также специальные его виды были предусмотрены в большинстве его статей. Дифференциация законодательной меры уголовного наказания выражалась в виде различной тяжести санкций за одни и те же преступления офицеров и рядовых: так, членовредительские и телесные наказания чаще устанавливались за преступления рядовых, тогда как позорящие наказания – за преступления офицеров. При этом перечень позорящих наказаний был расширен за счет новых видов – шельмования, удара профоса (палача), публичного испрашивания отпущения вины. Специальные виды наказаний предусматривали, помимо традиционных видов, лишение чина, обращение в рядовые, удержание жалования. Правление преемников Петра I характеризуется постепенной гуманизацией основных институтов уголовного права, что и отразилось на содержании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Из анализа его положений следует, что основную массу преступных деяний

составляли различные формы неповиновения формальным правилам, содержащимся в различных постановлениях и уставах. Вместе с тем парадокс законности в России заключался в том, что заключенных по должностным преступлениям и преступлениям, связанным с торговым оборотом, было очень незначительное количество: «...тюрьма почти не знала заключенных по преступлениям привилегированных классов». В целом содержание Особенной части Уложения производит впечатление усилившейся борьбы с должностными, профессиональными и торговыми преступлениями. Однако сословный характер наказания проявлялся в законодательном ограничении применения его телесных видов к лицам, изъятым от указанных наказаний, — к представителям высшего дворянского сословия. В то же время ни жесткость санкций за государственные преступления, ни необъятные возможности политического сыска объективно не были способны унять стихийное народное движение, вылившееся в события 1917–1918 гг. Анализ положений основных кодифицированных уголовно-правовых актов советского периода 1922 г., 1926 г., 1960 г. показывает, что преступления со специальным субъектом были представлены должностными (служебными), хозяйственными и воинскими преступлениями, а также деяниями, связанными с нарушением правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок. В качестве наказаний предусматривались такие виды, как смертная казнь, срочное лишение свободы, принудительные работы, увольнение от должности, конфискация имущества. При этом закрепление специальных признаков субъекта преступления в целях дифференциации ответственности наиболее четко просматривается в нормах Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.: в противоположность дореволюционным нормативным актам, более высокая должность предполагает более строгую ответственность. Таким образом, на каждом историческом этапе преступления со специальным субъектом в большинстве случаев были представлены должностными и хозяйственными преступлениями. Эволюция их уголовно-правовой оценки сопряжена с процессом становления привилегированного положения правящего класса (сословия). В то же время процессы централизации и абсолютизации единоличной власти

обусловливали ужесточение ответственности субъектов указанных преступлений. Так, доминирование наказаний имущественного характера в санкциях за преступления со специальным субъектом характерно для периодов, когда, стремясь заручиться поддержкой, власть обеспечивала этим привилегированное уголовно-правовое положение служащих. В то же время в периоды, связанные с необходимостью укрепления вертикали власти (Смутное время, XVII век; правление Петра I; период Советской Развитие наказаний за преступления со специальным субъектом, законодательный подход к определению мер наказания за указанные преступления ужесточался.

Вопросы и задания для самопроверки

1. По каким основаниям можно классифицировать специальных субъектов преступлений?
2. Найдите в УК РФ составы преступлений, которые могут быть совершены только специальным субъектом.
3. Дайте определение понятию должностные лица.
4. Как формировалось представление о должностных лицах как о субъектах преступления в российской уголовно-правовой науке?
5. На какие группы можно разделить преступления, совершенные должностными лицами?
6. Является ли должностным лицом преподаватель вуза?

6. Проблема соотношения понятий «субъект преступления» и «личность преступника»

Личность преступника является элементом криминологического исследования. Важность изучения личности преступника состоит в том, что «преступление, будучи актом сознательной волевой человеческой деятельности в значительной мере обусловлено сущностью и особенностями лица, избирающего подобную форму поведения. Личность - основное и важнейшее звено всего механизма преступного поведения. Знание личности преступника, умение выявить основные характеризующие ее признаки и свойства являются непременным условием организации и осуществления предупреждения преступлений».

Криминологическое изучение личности преступника осуществляется главным образом для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение. Более того это центральная проблема криминологии, поскольку личность является источником, субъективной причиной преступных действий. Необходимо учитывать, что даже в такой специфической сфере, как преступление, человек действует в качестве общественного существа. Он является носителем различных форм общественной психологии, индивидуально – психологических особенностей, а также правовых, нравственных, этических, и иных взглядов и ценностей. Так «личность человека раскрывается через социальную сущность, а также сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными факторами, лежащими в основе поведения. В свою очередь, сознание и воля данного лица реагируют на внешние условия и активно обуславливают его поведение в конкретной ситуации». Под личностью преступника понимается лицо, совершившее преступление, в котором проявилась его антиобщественная направленность, отражающая совокупность негативных социально значимых свойств психики человека, развившихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с людьми. В определении личности в качестве существенной характеристики выступает совокупность отрицательных черт и свойств. Эта совокупность признаков, их содержание, соотношение положительных и отрицательных элементов дают наиболее полное представление о тех, кто совершает преступление, а также понять и оценить, как сам поступок, так и лицо его совершившее. В целом личность преступника можно охарактеризовать как некую модель, социальный и психологический портрет, обладающий специфическими чертами. «Преступникам присущи антиобщественные взгляды, отрицательное отношение к нравственным ценностям и выбор преступного, общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей. Причем все это свойственно лицам, совершившим умышленные преступления, так и тем, кто преступил закон по неосторожности». Познание личности преступника невозможно без изучения ее структуры.

Криминолог В. Д. Малков в структуре личности преступника выделяет биофизиологические, социально-демографические и социально-ролевые, нравственно - психологические, уголовно - правовые и криминологические элементы. К биофизиологическим признакам относятся состояние здоровья, особенности физической конституции, природные свойства нервной системы. Социально – демографическая подструктура включают такие признаки как возраст, пол, образование, социальное положение, национальную и социальную принадлежность, семейное положение, уровень материальной обеспеченности. Возраст – это «качественно определенный этап становления личности, с присущими ему особенностями восприятия человеком окружающего мира». С возрастом изменяются социальные функции человека, привычки, характер, способы реагирования на конфликтные и сложные ситуации. Неблагоприятные семейные отношения и тяжелое материальное положение часто несут в себе криминальную нагрузку и при стечении определенных условий способствуют совершению преступлений. «Образование является важной социальной характеристикой преступника. Оно благотворно влияет на развитие личности, формирование ее мировоззренческих и моральных установок. Конечно, нет прямой зависимости между уровнем образования и формой поведения. Однако уровень образования оказывает влияние на правосознание и на способность выбора того или иного варианта поведения». Так, например, низкий уровень образования может затруднить выбор человеком приемлемых вариантов поведения в сложной жизненной ситуации. Нравственно - психологические характеристики подразумевают взгляды, убеждения, жизненные стремления, ценностные ориентации, отношение к нормам морали. Важнейшим показателем, характеризующим нравственный облик личности преступника, является его отношение к антиценностям. Уголовно – правовой элемент следует рассматривать как наиболее важный в понимании личности преступника. Именно уголовно – правовая характеристика отражает степень деформации личности, ее особые свойства, позволяет определить наиболее существенные признаки преступников. «К их числу относятся: характер совершенного преступления, роль при совершении преступления, данные о

прошлой преступной деятельности, направленность и мотивация преступных действий, длительность и интенсивность преступной деятельности, степень подготовленности к преступлению, отношения к преступным последствиям, наличие судимости». Данные о судимости могут охарактеризовать устойчивость антиобщественной направленности поведения, взглядов, навыков, привычек, проявляющихся наиболее активно в повторном совершении преступления. В целом характеризуя личность преступника, следует заметить, что она не отличается от личности наличием или отсутствием каких-либо компонентов в своей структуре. Различие имеется в содержании этих самых компонентов у преступников и не преступников. Взгляды, интересы, потребности и привычки преступников основаны на антиобщественной направленности, которая выступает общей причиной совершения конкретных преступлений. При проведении данного исследования целесообразно обратить внимание на процесс формирования преступников. По мнению криминологов «преступники несколько иначе видят окружающий мир». «Их ведущей чертой становится постоянное стремление к самоутверждению, к самоприсятию, защите себя, собственного Я, отстаиванию своего места в жизни». Самоутверждение зачастую происходит за счет снижения статуса другого человека, его унижения и даже уничтожения. Именно такие люди весьма предрасположены к совершению преступлений. Им характерна внутренняя несвобода, необоснованная тревожность. Эти особенности возникают в результате неблагоприятного формирования личности, начиная с детских лет. Процесс социализации начинается с детства. Исследования обнаруживают, что на протяжении всего раннего и дошкольного детства главным фактором формирования личности ребенка продолжает оставаться взрослый человек, поддержка и одобрение которого составляют необходимое условие «уравновешенности» ребенка с окружающей его средой и переживания им эмоционального благополучия. «Стремление к одобрению взрослых, особенно родителей, является в этом возрасте настолько сильным, что именно оно побуждает ребенка к такому поведению, в котором он не испытывает непосредственной потребности». Следовательно, «санкции»

взрослых за «плохое» поведение являются важнейшими регуляторами поступков ребенка. В процессе формирования личности в сознании человека вырабатывается реакция, в силу которой он машинально уклоняется от социально неодобряемого поведения. В раннем детстве - это одобрение или не одобрение родителей. Впоследствии - учителей, школьных товарищей, иных референтных групп. Устоявшаяся привычка избегать неправильное поведение предупреждает желание избрать криминальный способ достижения цели. В случаях, когда процесс ранней социализации деформирован, отсутствует позитивное воздействие, возникает угроза формирования криминогенного запала. Поэтому семейное воспитание играет первостепенную роль в формировании личности преступника. Исследуя семью, как фактор формирования личности преступника криминологи обращают внимание на психологическое воздействие, оказываемое взрослыми на детей, а также членами семьи друг на друга. Нередки случаи, когда дети из внешне благополучных семей совершают кражи, грабежи и другие, которые невозможно объяснить корыстью. В этих ситуациях проблема заключается в том, что ребенок, выросший в атмосфере эмоционального недостатка, стремится восполнить его, ищет признание у групп сверстников, которые характеризуются не лучшим образом. С целью самоутверждения в этой группе такой ребенок и совершает преступления. Маргинальные семьи, где родители пьянствуют, употребляют наркотические средства, совершают аморальные, антиобщественные поступки способствуют неблагоприятному формированию личности. Ребенок таким семьям не нужен, с ним явно обращаются жестоко, не кормят, заставляют заниматься попрошайничеством, кражами для обеспечения своего существования, о нем не заботятся. «Из-за отсутствия нормального общения с родителями в раннем возрасте ребенок в дальнейшем не сможет общаться с микросредой». Чем слабее сформированные психологические связи личности с обществом, тем проще индивиду выбирать преступный путь. Все лица, совершившие преступления, отличаются друг от друга по различным признакам. Поэтому возникает необходимость классификации и типологии преступников. В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов полагают, что классификация и типология при всей их

схожести не одно и то же. Классификация представляет устойчивую группировку исследуемых объектов по их отдельным признакам и строится на весьма жестких критериях групп и подгрупп, каждая из которых занимает четко фиксированное место. При построении типологии в отличие от классификации не требуется вычленения всех без исключения типов, составляющих части познаваемого объекта. Важное отличие классификации от типологии состоит в том, что первая дает описание изучаемого объекта, а вторая его объяснение. С помощью типологии можно успешнее вскрыть его природу, причины, закономерности зарождения. Криминологи предлагают следующую классификацию преступников: По социально-демографическим признакам: - мужчины и женщины; - в возрасте: 14-15; 16-17; 18-24; 25-29; 30-40 лет; старше 50 лет; - по уровню образования: с начальным, с 8-классным; со средним и средне - специальным; с высшим и незаконченным высшим. 2) По признакам социального положения и рода занятий: - рабочие, служащие, учащиеся, частные предприниматели, фермеры, пенсионеры; трудоспособные, но не учащиеся и не работающие; безработные. 3) По признакам места жительства и длительности проживания: - город, сельская местность; - постоянный житель, мигрант, переселенец. 4) По данным интенсивности и характера преступной деятельности: - повторность, рецидив; - в группе, в организованной группе. 5) По данным о состоянии лица в момент совершения преступления: - в состоянии алкогольного опьянения, в состоянии наркотического возбуждения. Криминологическая типология позволяет выделить из всего многообразия преступных проявлений и лиц, совершающих преступления, наиболее характерные типы и образы их действий. Эта типология должна давать представление о степени развития криминогенных свойств личности, их стойкости или возможности изменения в положительную сторону. В отечественной криминологии на основании мотивов совершения преступлений выделяют: корыстных, престижных, игровых, насильственных, сексуальных преступников. По характеру взаимодействия криминогенной личности с факторами ситуации совершения преступления преступники делятся на последовательно – криминогенных, ситуативно – криминогенных, ситуативных. По

степени общественной опасности преступники разделяются на следующие типы: Абсолютно опасный тип. К нему относятся преступники, совершающие серийные убийства, в том числе наемные и сексуальные, а также убийства нескольких человек одновременно, как правило, ранее незнакомых, либо общеопасным способом. Особо опасный тип. Это преступники, совершающие убийства, как правило, в конфликтной ситуации, а также длительное время корыстные и корыстно – насильственные преступления. Сюда же относятся руководители преступных организаций. Опасный тип – совершают преступления против личности, нарушают общественный порядок, но не посягают на жизнь. Интересной представляется типология личности преступника, основанная на глубине стойкости и интенсивности антисоциальной направленности. Выделяют случайный, ситуационный, неустойчивый, злостный и особо злостный типы. Случайными преступниками принято считать лиц, впервые совершивших преступления небольшой тяжести, противоречащие общей социально – положительной направленности их прежнего поведения. Лиц, впервые совершивших тяжкие преступления под воздействием неблагоприятного стечения обстоятельств и характеризуемых помимо этого в основных сферах жизнедеятельности положительно, принято относить к ситуационному типу преступников. Неустойчивый тип составляют лица, совершившие преступления впервые, но допускавшие и ранее правонарушения и аморальные проступки. Злостный тип представляют лица, неоднократно совершавшие преступления, в том числе ранее судимые. Особо злостными преступниками криминологи считают лиц, совершивших опасный и особо опасный рецидив. Таким образом, различные категории личности преступников обладают своими отличительными особенностями, которые поддаются анализу и обобщению, а затем успешно используются в интересах правоохранительной деятельности. На преступное поведение лица влияют обстоятельства, которые он воспринимает как угрозу для себя. Страх и тревога у криминогенной личности выражены сильнее, чем у обычного человека. Поэтому пытаясь защититься порой от мнимых угроз лицо совершает преступление. Высокий уровень тревоги вызван

отчуждением, недостатком внимания и заботы, отсутствием единения с другими людьми. От того насколько лицо способно нормально адаптироваться в обществе, как оно воспринимает общие культурные, этические, правовые нормы зависит приемлемость для нее криминального либо социально допустимого способа действий. Если психологические связи личности с социумом сформированы слабо, то преступный способ поведения субъект выбирает довольно легко. Именно социальная среда влияет на формирование личности преступника.

*Личность пенитенциарного преступника как объект
криминалистического познания*

По данным НИИИТ ФСИН России, уровень пенитенциарной преступности за последние 10 лет вырос более чем на 30 %: с 623 преступлений в 2003 г. до 865 – в 2013 г. Несмотря на, казалось бы, небольшую разницу между этими показателями, общественная опасность таких преступлений значительно выше относительно тех противоправных деяний, которые совершаются на свободе. Это объясняется прежде всего высоким уровнем латентности подобных преступлений. Существует мнение, что таких преступлений примерно в 100 раз больше, чем регистрирует официальная статистика. При этом следует заметить, что подобные преступные деяния совершают отнюдь не «дилетанты», а осужденные, которые уже отбывают наказание, и, соответственно, имеют внушительный преступный опыт, сочетающийся с полученными в ходе предварительного расследования познаниями о методике и тактике действий сотрудников правоохранительных органов. Как показывает практика, подобные познания осужденные активно используют в целях противодействия расследованию совершенных ими пенитенциарных преступлений. Успешное раскрытие и расследование преступлений предполагают обязательное изучение личности преступника. Предоставление следственной практике методов изучения личности для последующего использования полученной криминалистически значимой информации при принятии тактических решений и их реализации является актуальным направлением криминалистических исследований. Криминалистическому изучению личности преступника и его

свойств посвящено немало исследований, в том числе таких видных ученых, как: Р. Л. Ахмедшин, Н. Т. Ведерников, Ф. В. Глазырин, В. А. Жбанков, И. А. Матусевич и др. С точки зрения пенитенциарной направленности данная сфера научного познания подвергалась исследованию не столь часто и не так обстоятельно.

Отдельные аспекты личности пенитенциарного преступника в последние годы раскрывались в исследованиях, посвященных методике расследования отдельных видов пенитенциарных преступлений и тактике отдельных следственных действий, производимых в отношении осужденных, совершивших преступления в исправительных учреждениях. Общеизвестно, что формирование личности обусловлено воздействием трех основных факторов – биологического, психологического и социального. При этом каждый из этих факторов детерминирует конкретные свойства личности, которые представляют определенный интерес для криминалистической науки. Разделяя мнение В. А. Жбанкова, полагаем, что выделение криминалистически значимых свойств личности пенитенциарного преступника (социальных, психологических и биологических) и определение их роли путем включения лица, совершившего пенитенциарное преступление, в систему преступной деятельности имеют большое практическое значение для оптимизации деятельности следователя, органа дознания по раскрытию, расследованию и предупреждению пенитенциарных преступлений, так как позволяют: – проследить особенности отображения свойств личности пенитенциарного преступника при подготовке, совершении и сокрытии преступления; – разработать систему следов, отображающих социальные, психологические и биологические свойства личности преступника и выявить иные источники информации о нем; – определить систему технико-криминалистических и тактических методов и средств по собиранию, исследованию, оценке и использованию информации о личности пенитенциарного преступника; – установить взаимозависимость и взаимосвязи между социальными, психологическими и биологическими свойствами преступника, содержащимися в источниках информации о нем; – построить на основе собранной информации и выявленных взаимосвязей между социальными,

психологическими и биологическими свойствами модель лица, совершившего пенитенциарное преступление; – осуществить систему поисковых мероприятий по установлению преступника; – разработать на основе выявленных закономерностей между элементами преступной деятельности систему типовых версий о лицах, совершивших пенитенциарные преступления, применительно к тем или иным видам преступных деяний. Как отмечает М. А. Лушечкина, под криминалистическим изучением личности следует понимать получение криминалистически значимой информации о преступнике, жертве преступления, а также обвиняемом, потерпевшем и других участниках процесса расследования. Эта информация включает в себя сведения о присущих им анатомических, биологических, психологических и социальных свойствах, которые необходимы как для идентификации личности, так и для решения тактических задач и установления фактической картины события преступления в процессе его раскрытия и расследования, а также для использования в целях осуществления криминалистической профилактики. Исходя из вышеизложенного, предпримем попытку выявить информацию о свойствах личности пенитенциарного преступника, которая направлена на решение криминалистически значимых задач. В рамках реализации познавательных задач деятельность следователя нацелена на установление фактической картины преступления, т. е. выявление и обобщение информации прежде всего о социальных и психологических свойствах личности пенитенциарного преступника, которыми обуславливаются преступные мотивы и конкретные противоправные действия. Это могут быть психологические свойства личности в виде интеллектуальных качеств, целевых установок, отношения к нормам права, морали, «воровским» обычаям и т. п., а также социальные свойства – в виде социально-ролевых особенностей, обусловленных криминальной стратификацией осужденных. Решение идентификационных задач направлено на установление тождества лица по комплексу его свойств, в том или ином виде отобразившихся во внешней действительности. Речь может идти об идентификации пенитенциарного преступника по признакам внешнего облика. В исправительных учреждениях на определенные

категории осужденных имеются так называемые ориентировки, отображающие в словесной форме особенности его внешнего облика. Кроме того, в последние годы получила распространение практика использования видеофиксирующих устройств в виде стационарных видеокамер, а также различного рода носимых видеорегистраторов. Вместе с тем решение данной задачи возможно с помощью обширной индивидуальной информации об осужденном, содержащейся в его личном деле и в различного рода учетах (прежде всего дактилоскопическом). Особую значимость в деятельности исправительных учреждений и органов предварительного расследования имеет метод ольфакторной детекции индивидуальных запаховых следов человека (идентификации человека по запаховым следам), особенно для ведения розыска осужденных, совершивших побег, а также в целях полного, объективного и всестороннего раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений. Тактические задачи определяют выбор оптимальной линии поведения лиц, расследующих пенитенциарные преступления в отношении осужденных, совершивших противоправные деяния в исправительном учреждении. При этом особое внимание обращается на психофизиологические, психологические и социально-психологические качества осужденных, поскольку именно они имеют существенное значение при выборе тактических приемов, проведении тактических комбинаций и операций. Информация о личности пенитенциарного преступника, используемая в тактических целях, порой не имеет доказательственного значения, однако носит существенный вспомогательный характер. Например, тактические предпочтения следователя в отношении места, времени и условий проведения следственных действий могут определяться в том числе криминальным статусом, возрастом, состоянием здоровья осужденного. Приверженность подозреваемого к так называемой криминальной субкультуре и воровским обычаям может повлиять на выбор участников следственного действия, привлекая представителей администрации исправительного учреждения, способных спрогнозировать поведение подобной категории осужденных. Особенности межличностного общения в среде

осужденных, наличие конфликтных отношений между соучастниками преступления могут предопределить очередность проведения допросов, очных ставок и иных следственных действий. Последняя группа задач, на решение которых направлена криминалистически значимая информация о свойствах личности пенитенциарного преступника, — это осуществление криминалистической профилактики. В этих целях существенное значение имеют, на наш взгляд, как биологические, так и психологические свойства пенитенциарных преступников, поскольку в распоряжении следователя находится значительный объем информации об осужденном (графологические особенности, отраженные в документах, написанных лично осужденным и хранящихся в его личном деле; дактилоскопические данные; коллекции запаховых следов и множество иной индивидуально-личностной информации). Рассматривая свойства личности пенитенциарного преступника, на наш взгляд, нужно обратиться к проблеме сбора информации о них. При анализе тех сведений, которые аккумулируются в исправительном учреждении в отношении осужденных, можно выделить ряд существенных источников получения криминалистически значимой информации о личности пенитенциарного преступника. В качестве основного источника получения сведений о пенитенциарном преступнике необходимо рассматривать самого подозреваемого, от которого может исходить как вербальная, так и невербальная информация. Показания подозреваемого, его ухоженный либо неряшливый внешний вид, цинизм, надменность, хамство или озлобленность, замкнутость и нелюдимость могут помочь установить цель и мотивы преступления, роль в соучастии, принадлежность к неформальным группам (стратам) осужденных, скорректировать план расследования, определить тактику проведения отдельных следственных действий и т. п. Следующим источником можно назвать потерпевшего либо свидетеля из числа осужденных. Нередко данные осужденные хорошо знакомы с подозреваемым (находятся с ним в одном отряде, учатся либо работают вместе), следовательно, могут располагать сведениями о положении каждого осужденного в их среде, а также о некоторых личностных и криминальных свойствах отдельных лиц, в том числе

подозреваемого, свидетеля, потерпевшего. В целом, характеризуя источники, в роли которых выступают осужденные, необходимо быть готовым к возникновению определенных трудностей либо вообще к невозможности получения отдельных сведений, что обуславливается высокой степенью приверженности большинства осужденных к нормам криминальной субкультуры, которая не поощряет содействие представителям правоохранительных органов. Большой объем информации о личности пенитенциарного преступника может быть получен от представителей администрации исправительного учреждения. В силу своих должностных обязанностей всестороннюю характеристику личности осужденного, совершившего преступление, могут дать начальник отряда, сотрудники оперативного отдела и отдела безопасности, психолог, социальный работник, мастер на производстве, медицинский работник и др. При этом, как отмечает Н. П. Барабанов, информации о личностных качествах осужденных, склонных к криминальному поведению, у начальников отрядов на 25–30 % больше, чем у сотрудников оперативных служб. Еще одним источником сведений о личности пенитенциарного преступника могут быть родственники осужденного (родители, супруга, дети и др.), с которыми он вел переписку, встречался на свиданиях. Нередко из данного источника можно получить информацию о том, что тревожило осужденного до преступления, о его отношениях с другими осужденными, администрацией исправительного учреждения и т. п. Кроме родственников, в качестве аналогичного источника могут выступать лица, поддерживающие с осужденным дружеские, товарищеские, любовные связи, либо лица, с которыми он ранее совершал преступления. Особую значимость сведения из этого источника имеют для организации поиска осужденного, совершившего побег. В качестве документальных источников о личности пенитенциарного преступника прежде всего следует отметить личное дело осужденного, где аккумулируются, как правило, данные социально-демографического, уголовно-правового и иного характера, отражающиеся в таких документах, как анкета осужденного, приговор суда; сведения, характеризующие поведение осужденного, результаты его изучения в следственном

изоляторе, других учреждениях; характеристики, сведения о поощрениях, мерах дисциплинарного воздействия; копия документа, удостоверяющего личность, и др. Сведения об общем физическом состоянии, состоянии здоровья осужденного можно получить из медицинских документов на осужденного, а иногда и из материалов уголовного дела. Данная информация может использоваться при организации процесса расследования (например, определения границ поиска бежавшего осужденного), позволяет установить возможность фактического осуществления определенных преступных действий (например, нанесения вреда здоровью определенным способом), а также может быть учтена при обеспечении безопасности участников уголовного процесса (в случаях наличия у подозреваемого открытой формы туберкулеза, ВИЧ-инфекции, психических заболеваний и т. п.). Своеобразными источниками сведений о личности пенитенциарного преступника выступают криминалистические и иные учеты, позволяющие получать сведения о прежних судимостях преступника, а также иную оперативно-справочную информацию. Кроме того, в качестве источников информации о личностных качествах преступника можно рассматривать результаты следственных действий. Так, при осмотре места происшествия могут быть выявлены различного рода следы (следы обуви, ладоней, пальцев рук, кровь и др.), по которым возможна идентификация, а также признаки, указывающие на физические особенности лица, совершившего преступления (пол, рост, физическая сила и т. д.). Следы на месте происшествия могут свидетельствовать о количестве преступников, а иногда и об их роли в совершенном преступлении. При обыске спального либо рабочего места осужденного возможно обнаружение записок, личных записей и иных предметов и вещей, которые могут свидетельствовать о подготовке осужденного к совершенному преступлению, мотивах и цели его совершения, об отношениях с родственниками и иными лицами, отношении к администрации исправительного учреждения и т. д. При освидетельствовании осужденного могут быть обнаружены следы от употребления наркотических средств либо психотропных веществ, различные повреждения кожных покровов или татуировки, которые могут помочь при определении

принадлежности осужденного к определенным криминальным группам либо нести иную криминалистически значимую информацию. Подводя итог, следует отметить, что, на наш взгляд, изучение личности пенитенциарного преступника как объекта криминалистического познания представляет собой получение криминалистически значимой информации о биологических, психологических и социальных свойствах личности осужденного, совершившего преступление в исправительном учреждении, направленной на решение познавательных, идентификационных, тактических и профилактических задач. В результате анализа информации об осужденных, имеющейся в исправительном учреждении, выявлено большое количество источников сбора сведений о личности пенитенциарного преступника, что, по нашему мнению, способствует успешной деятельности следователя по преодолению противодействия процессу расследования со стороны осужденных и установлению всех обстоятельств по уголовному делу.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Какие взгляды на проблему соотношения понятий «личность преступника» и «субъект преступления» существуют в российской уголовно-правовой науке?
2. Являются ли понятия «личность преступника» и «субъект преступления» тождественными? Если нет, то как они соотносятся?
3. Влияют ли на назначение наказания какие-либо характеристики личности преступника?

7. Юридические лица как субъекты преступления: дискуссии в уголовно-правовой науке

Проблема уголовной ответственности юридических лиц, которые могут рассматриваться в качестве субъектов преступления, для уголовного права не нова и достаточно дискуссионна. Она является одной из наиболее сложных и спорных проблем как зарубежного, так и отечественного уголовного права.

В истории русского уголовного права и его теории первые признаки внимания к вопросу уголовной ответственности

юридических лиц появляются во второй половине XIX в. В условиях уходящего «юридического натурализма» и с развитием финансовой капитализации на смену теориям, отрицающим индивидуальность юридического лица, приходят противоположные им теории, и само понятие медленно начинает проникать в гражданское и торговое законодательство. Следствием этих процессов явилось оживление дискуссии о наказуемости юридических лиц, хотя на протяжении последних десятилетий существования дореволюционной русской уголовно-правовой теории она отрицала такую возможность, оставаясь верна концепции фикционности юридического лица в ее уголовно-правовом варианте. Содержание концепции применительно к уголовному праву состояла в отрицании способности юридического лица действовать самостоятельно, волевым образом, сознательно, обдуманно и виновно. Это отрицание предполагало, что «...корпорации, учреждения и т.п., без сомнения, суть не что иное, как отвлеченные образы; личность же, им приписываемая, есть только произведение юристов...». По словам Н.С. Таганцева, «преступление предполагает в деятеле способность действовать сознательно и самостоятельно, а ни того, ни другого условия мы не встретим в фикции юридического лица». Отрицая способность юридических лиц совершать преступления, теория уголовного права упоминала и о наказуемых деяниях, которые они совершить не в состоянии (например, изнасилование, истребление плода, кровосмешение), и об ограниченности гипотетически применимых в данной ситуации карательных санкций, и о невозможности появления корпорации в уголовном процессе, используя это как дополнительные доводы *contra*. Вместе с тем в науке уголовного права встречались и иные точки зрения, и, что примечательно, одним из первых еще в начале XIX в. выступил в пользу признания уголовной ответственности юридических лиц известный русский криминалист Г.И. Солнцев. Он писал: «Само собою разумеется, что не отвлеченное слово «общество» впадает в преступление, но частные члены, какое-либо общество совокупно яко нравственное лицо составляющие; рассуждая о сих членах, как единое нравственное лицо составляющих, и говорится, что такое-то общество... нарушило такое-то законоположение и, следовательно,

впало в преступление». Г.И. Солнцев подводил под понятие преступления юридического лица фактически деятельность отдельных составивших его индивидов, совершивших преступление «не для правомерной своей общественной цели, но для особого от сей цели уклонения и им интересного намерения...». Таким образом, сохраняя уголовную ответственность для лиц физических, он полагал возможным прилагать понятие «преступление» к юридическому лицу в переносном, общеупотребительном смысле. При этом в дореволюционном русском законодательстве имелся ряд норм, связанных, если говорить в общем, с наложением уголовных санкций на объединения физических лиц, не обладавших статусом юридического лица вследствие совершения ими, либо же в их пользу, преступных деяний. В частности, еврейское общество подлежало взысканию штрафа на сумму до трехсот рублей за укрывательство бежавшего со службы военнослужащего (ст. 530 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.), а община, вторично отпустившая неработоспособное лицо испрашивать милостыню, подлежало взысканию штрафа в сумме пять рублей за каждого человека (ст. 985 того же Уложения). Н.С. Таганцев отрицательно относился к таким нормам, считая их не оправдываемыми никакими рациональными соображениями. После 1917 г. и до конца 1980-х годов в советском уголовном праве вопрос об уголовной ответственности юридических лиц решался отрицательно, и какой-либо значимой дискуссии по этой проблематике не наблюдалось (что вполне объясняется доминированием «государственных», скажем так, юридических лиц на протяжении практически всего советского периода российской истории). А.Н. Трайнин обосновывал непризнание уголовной ответственности юридических лиц вполне традиционно: их неспособностью действовать умышленно и вменяемо, и подлежать наказанию. Оживление дискуссии о возможности уголовной ответственности юридических лиц происходит в российской науке в начале 1990-х гг., и в проектах нового уголовного кодекса, разработанных в 1993 - 1994 гг., содержались положения, устанавливающие такую ответственность. В частности, ст. 106 проекта 1994 г. предполагала, что юридическое лицо может быть

привлечено к ответственности в трех случаях: а) неисполнение или ненадлежащее исполнение закона, устанавливающего обязанность или запрет на осуществление определенной деятельности; б) осуществление деятельности, не соответствующей учредительным документам или объявленной цели; в) совершение преступного деяния в интересах юридического лица либо его допущение, санкционирование, одобрение, использование органом или лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом. В основе всех этих трех случаев, как можно судить из заключительных слов последнего из них, должна была лежать, по мысли составителей проекта, так называемая «теория отождествления». Сущность теории отождествления сводится к тому, что тот, кто контролирует деятельность корпорации, для целей уголовного права в своих действиях (бездействии) признается воплощающим саму корпорацию, так что последняя становится уголовно ответственной за его преступное поведение. При этом сфера применимости теории отождествления практически не ограничена по кругу преступлений, а на ее основе корпорация может быть осуждена и как исполнитель преступления, и как соучастник в его совершении. В число видов наказаний, применяемых к юридическим лицам, были включены штраф, запрет заниматься определенной деятельностью, ликвидация юридического лица.

По нашему мнению, возможности применения теории отождествления узки поскольку связаны исключительно с деятельностью высшего менеджмента, тогда как часто преступные действия совершаются на более низких уровнях руководства; как следствие, чем крупнее корпорация, тем больше у нее шансов избежать уголовного преследования. Кроме того, формальная структура корпорации часто скрывает реальный центр управления; в таких случаях высший менеджмент, на действиях которого основывается теория отождествления, не более чем «невинная ширма». Однако при принятии Уголовного кодекса РФ в 1996 г. соответствующие положения были исключены из его окончательного текста. В качестве своеобразной «уступки» законодателя идеям наказуемости юридических лиц (или «испытательного полигона») в действующем российском праве

можно рассматривать административную ответственность. В Кодексе РФ об административных правонарушениях 2001 г. соответствующие положения впервые нашли признание в Общей части Кодекса. Конструкция виновности юридического лица в совершении административного правонарушения, закрепленная ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ (юридическое лицо признается виновным, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм... но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению), именуется «объективистской», или «поведенческой», концепцией и во многом совпадает с теорией «прошлой виновности», обсуждаемой в доктрине стран общего права. В соответствии с этой концепцией для привлечения юридического лица к ответственности необходимо доказать лишь причинную обусловленность прошлыми действиями (бездействием) юридического лица совершенного им деликта. Эта причинность *defacto* носит неограниченный во времени и цепочке связей характер, и может, по сути, сводиться к субститутивной ответственности, когда ответственность юридического лица будет предопределена его упущением в предоставлении работы неподходящему для нее человеку. Эта же причинность сдвигает акцент в анализе совершенного с события правонарушения на анализ предшествовавших ему действий (бездействия) юридического лица. Так, для примера можно указать следующее: привлекая юридическое лицо к ответственности за привлечение к трудовой деятельности в России иностранного гражданина при отсутствии у последнего разрешения на работу, арбитражный суд следующим образом обосновал наличие вины в действиях юридического лица: «Вина ООО «Мещера-Лес» заключается в том, что, совершая при осуществлении предпринимательской деятельности действия, связанные с привлечением к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, общество могло и должно было знать условия совершения таких действий. Каких-либо обстоятельств, препятствующих выполнению обществом своих обязанностей по соблюдению действующего законодательства, судом не установлено». При этом санкции административного права по своей суровости приближаются к

уголовно-правовым (штраф устанавливается для юридических лиц по общему правилу в размере до 6 млн. рублей - ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ); очевидна и несправедливость привлечения за одно и то же деяние физического лица к уголовной, а юридического - только к административной ответственности (например, при осуществлении предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) - ст. 171 УК РФ, ст. 14.1 КоАП РФ). Кроме того, по справедливому замечанию Л. Иванова, «юридические лица, обвиняемые в совершении формально административного правонарушения, попадают в ситуацию субъектов неких гибридных правоотношений, при которых наказание им может грозить фактически уголовное, а выяснение всех обстоятельств дела и его разрешение осуществляются по упрощенным административным процедурам. Вряд ли такое положение можно признать соответствующим принципам правового государства».

Российское уголовное право и уголовное законодательство традиционно исходят из того, что субъектом преступления, как уже отмечалось, может быть только человек, и это положение прямо вытекает из ст. 19 УК РФ.

В настоящее время существует три подхода к вопросу возможности признания юридических лиц субъектами преступления. Помимо противников и сторонников, можно выделить «компромиссный» подход, при котором предлагается компромисс между закреплёнными в действующем УК РФ принципом личной ответственности и психологическим пониманием вины и необходимостью допущения уголовной ответственности (хотя и не наказания) юридических лиц. Соответственно, в рамках данного подхода предлагается либо применять к юридическим лицам не наказание, а «иные меры уголовно-правового характера», либо размежевать понятия «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности». Так, Б. В. Волженкин, предлагал различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Он считал, что преступление может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Однако нести уголовную ответственность за преступные деяния могут не только физические, но при определенных условиях

юридические лица¹. Г.А. Есаков выделяет также четвертый подход, сводящийся к возможности применения к юридическим лицам иных мер уголовно-правового характера за *причастность к совершению преступления*, может показаться схожим с третьим, однако на самом деле отличается от него принципиально: в его основе лежит конструкция не совершения преступления юридическим лицом, а его причастности к совершению преступления. Его разработка является плодом деятельности Следственного комитета РФ, представившего в 2011 г. проект, который вводит в уголовное законодательство «институт уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», и теоретическое обоснование к проекту. В качестве видов мер уголовно-правового воздействия могут быть предложены следующие: 1) предупреждение; 2) штраф; 3) лишение лицензии, квоты, преференций или льгот; 4) лишение права заниматься определенным видом деятельности; 5) запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации; 6) принудительная ликвидация². Однако проект был подвергнут разгромной критике в науке³, и не получил движения⁴.

Дискуссия об уголовной ответственности юридических лиц в современном российском уголовном праве не закрыта.

¹ Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. С. 25-26.

² Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // <http://sledcom.ru/blog/detail.php?blind=on&ID=46194>

³ Есаков Г. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц: критическая оценка // Уголовное право. 2011. № 3. С. 26–30; Крылова Н. Е. К вопросу о введении «института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: мат. VI Росс. конгр. уголов. права / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2011. С. 109–113

⁴ Есаков Г.А. Уголовная ответственность юридических лиц: российский опыт // <http://www.comitasgentium.com/sobytiya/item/86-ugolovnaya-otvetstvennost-yuridicheskikh-lits-rossijskij-opyt>

Вопросы и задания для самопроверки

1. Как решается вопрос об уголовной ответственности юридических лиц по законодательству зарубежных стран и международному законодательству?
2. Какие аргументы приводят сторонники привлечения к уголовной ответственности юридических лиц?
3. В чем сущность современных подходов к вопросу возможности признания юридических лиц субъектами преступления?

Заключение

В данных учебно-методических рекомендациях рассмотрена эволюция категории «субъект преступления» в российской и зарубежной уголовно-правовой науке. Подробно анализируются признаки как общего, так и специального субъекта преступления, а также дискуссионные вопросы учения о субъекте преступления.

Российская уголовно-правовая наука располагает многочисленными исследованиями, касающимися отдельных вопросов дисциплины, но концептуальные труды представлены в небольшом количестве. Рассмотрение проблемных вопросов учения о субъекте преступления не теряет актуальности в настоящее время. Такие исследования должны учитывать положения современного законодательства и варианты их трактовки.

Для продолжения изучения учения о субъекте преступления читателям предлагается ознакомиться с исследованиями, посвященными данной теме, монографиями «Уголовно-правовая дифференциация возраста» и «Уголовная ответственность лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения» и другими. Соответствующая проблематика затрагивается во многих статьях, выходящих в журналах «Уголовное право», «Российский следователь» и др., в многочисленных диссертациях.

Список рекомендуемой литературы

1. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия [Текст] / С.Н. Абельцев. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. 207 с.
2. Акчурин А.В. Личность пенитенциарного преступника как объект криминалистического познания [Текст] / А.В. Акчурин // Вестник Владимирского юридического университета. 2014. № 4 (33). С. 15-19.
3. Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста : монография [Текст]/ А.А. Байбарин. М.: Высшая школа, 2009. 252 с.
4. Бойко И.Б. Вменяемость как уголовно-правовая категория. 2013. [Электронный ресурс] URL:<http://elibrary.ru/item.asp?id=21458842> (дата обращения 13.05.2015).
5. Боровиков В. Б. Сборник задач по уголовному праву. Общая и Особенная части [Текст] / В. Б. Боровиков. М.: Юрайт, 2010. 331 с.
6. Гребеньков А.А. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения : монография [Текст]/ А.А. Гребеньков. М.: Высшая школа, 2009. 168 с.
7. Ким Е.В., Ри П.Г. Личность преступника: криминологический анализ [Текст] / Е.В. Ким, П.Г. Ри// Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т. 4. № 4. С. 402-407.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова, Г.А. Есаков [и др.]; отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. 888 с.
9. Краткий словарь терминов по Уголовному праву России. Особенная часть [Текст] / сост. О. С. Пашутина. Курск: КГТУ, 2006. 76 с.
10. Лазарев, А.М. Субъект преступления: монография [Текст] / А.М. Лазарев. Н. Новгород: Изд-во ФГОУ ВПО «ВГАВТ», 2010. 85 с.
11. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть [Текст] / А. В. Наумов. М.: Волтерс Клувер, 2011. 768 с.

12. Одинцова Л.Н. Специальный субъект преступления : лекция [Текст] / Л.Н. Одинцова. Новокузнецк: ФГОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2009. 28 с.
13. Павлов В. Г. Субъект преступления [Текст] / В.Г. Павлов. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 318 с.
14. Практикум по курсу «Уголовное право» [Текст]: учеб. пособие / А. А. Байбарин, А. А. Гребеньков, М. Н. Урда; Отв. ред. А.А. Гребеньков; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. 194 с.
15. Рузина А.С. Классификация специальных признаков субъекта преступления [Текст] / А.С. Рузина// Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 527. С. 107-116.
16. Сайт: elibrary.ru [Электронный ресурс] URL:<http://elibrary.ru/>(дата обращения 13.05.2015).
17. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве [Электронный ресурс] URL:<http://process62.ru/index.php/component/content/article?id=126> (дата обращения 13.05.2015).
18. Сундуров Ф.Р., Тарханов И.А. Уголовное право России. Общая часть [Текст] / Ф.Р. Сундуров, И.А. Тарханов. М.: Статут, 2009 г. 751 с.
19. Уголовное право. Общая часть : учебник [Текст] / отв. ред. И. Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. 720 с.
20. Уголовное право России. Общая часть [Текст]: учеб. пособие / А. А. Байбарин, А. А. Гребеньков, С. В. Шевелева; Отв. ред. А. А. Гребеньков; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. 429 с.
21. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов [Текст] / Под ред. д.ю.н. В.С. Комиссарова, д.ю.н. Н.Е. Крыловой, д.ю.н. И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.
22. Шемякин Л.Л. Проблемы теории специального субъекта преступления [Текст] / Л.Л. Шемякин// Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 99-102.
23. Шкредова Эвелина - Сборник задач по уголовному праву. Общая и особенные части: учебное пособие [Текст] / Э. Шкредова. М.: Флинта НОУ ВПО «МПСИ», 2010. 144 с.

Терминологический словарь

Субъект преступления — это лицо, способное нести уголовную ответственность в случае совершения им умышленно или неосторожно общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом

Возраст как в широком смысле — календарный период времени, прошедший от рождения до какого-либо хронологического момента в жизни человека. Возраст в узком смысле — указанный период психофизического состояния в жизни того или иного лица, с которым связаны как медико-биологические, социально-психологические, так и правовые изменения

Под **вменяемостью** следует понимать психическое состояние лица, заключающееся в его способности по уровню социально-психологического развития, социализации, возрасту и состоянию психического здоровья отдавать отчет в своих действиях, бездействии и руководить ими во время совершения преступления и, как следствие этого, в способности нести за деяние уголовную ответственность и наказание.

Должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Личность преступника раскрывается через социальную сущность лица, а также сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными факторами, лежащими в основе преступного поведения.

Тематика самостоятельных письменных работ

1. Проблемы исследования субъекта преступления.
2. Формирование методологических основ учения о субъекте преступления в странах Европы.
3. Сущность концепция индетерминизма, существовавшей в российской криминалистической школе XIX—XX вв.
4. Основные постулаты антропологической школы уголовного права.
5. Взгляды на субъект преступления представителей социологической школы уголовного права (XIX — начале XX в.).
6. Методологические проблемы, относящиеся к субъекту преступления, существующие в современной российской уголовно-правовой науке.
7. Представления о субъекте преступления в дореволюционной России.
8. Субъект преступления в *Уложении о наказаниях уголовных и исправительных* 1845 года.
9. Формирование понятия «субъект преступления» в российском законодательстве: исторический аспект.
10. Представления о субъекте преступления в советский период развития российского государства.
11. Проблемы определения субъекта преступления в России.
12. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве.
13. Представление о субъекте преступления в уголовном праве стран Европы.
14. Представление о субъекте преступления в уголовном праве стран СНГ.
15. Возраст привлечения к уголовной ответственности по зарубежному законодательству.
16. Соотношении понятий «вменяемость-невменяемость» в уголовном законодательстве стран Европы, Азии, СНГ и США.
17. Понятие «субъект преступления».
18. Обязательные признаки субъекта преступления.
19. Возраст как признак субъекта преступления.
20. Возраст привлечения к уголовной ответственности по дореволюционному уголовному законодательству России.
21. Определение возраста субъекта преступления.

22. Границы возраста субъекта преступления.
23. Дифференциация возраста привлечения к уголовной ответственности.
24. Особенности привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в преклонном возрасте.
25. Вменяемость как признак субъекта преступления и ее значение для уголовной ответственности.
26. Понятие вменяемости.
27. Критерии вменяемости.
28. Вменяемость как признак субъекта преступления по современному зарубежному законодательству.
29. Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость.
30. Проблема «ограниченной вменяемости» в российской уголовно-правовой науке.
31. Основания для классификации специальных субъектов преступлений.
32. Уголовно-правовой анализ специального субъекта преступления с признаками должностного лица.
33. Понятие должностного лица.
34. Классификации должностных лиц.
35. Формирование представлений о должностных лицах как о субъектах преступления в российской уголовно-правовой науке.
36. Классификация преступлений, совершенных должностными лицами.
37. Теоретико-правовые аспекты разграничения субъекта преступления и личности преступника.
38. Взгляды на соотношение понятий «личность преступника» и «субъект преступления» в российской уголовно-правовой науке.
39. Влияние на назначение наказания характеристики личности преступника.
40. Дискуссионные вопросы учения о субъекте преступления.

Тестовые задания для самопроверки

1. Субъектом должностных и воинских преступлений могут быть только лица, достигшие возраста ... лет.

- А) 14;
- Б) 16;
- В) 18;
- Г) 20.

2. Уклонение от уплаты алиментов (ст. 157 УК РФ) совершается ... субъектом.

- А) общим;
- Б) привилегированным;
- В) специальным.

3. Для признания лица невменяемым достаточно наличия ... признака.

- А) медицинского;
- Б) юридического;
- В) одновременно юридического и медицинского.

4. В случае отсутствия паспорта (свидетельства о рождении) возраст и день рождения субъекта будет устанавливаться ...

- А) судебно-медицинская экспертиза, а последний день указанного года считается днем рождения;
- Б) следствие (дознание), исходя из психического развития субъекта.

5. Возможность наступления уголовной ответственности с 14 лет обусловлена ...

- А) повышенной общественной опасностью деяния;
- Б) тяжестью содеянного преступления;
- В) опасностью преступления;
- Г) способностью осознать социальную значимость своих действий с этого возраста.

6. По своему содержанию понятие «личность преступника» находится в следующем отношении с понятием «субъект преступления»:

- А) это несопоставимые понятия;
- Б) является тождественным;
- В) является более узким;
- Г) является более широким.

7. "Ограниченно вменяемые" лица:

- А) несут повышенную уголовную ответственность;
- Б) несут уголовную ответственность, наличие психического расстройства влияет на наказание;
- В) несут уголовную ответственности в полном объёме;
- Г) не несут уголовной ответственности.

8. Возраст субъекта преступления - это временной промежуток, который истек с момента рождения человека до момента...

- А) вынесения приговора суда;
- Б) совершения преступления;
- В) задержания лица, совершившего преступление;
- Г) предъявления обвинения.

9. Специальным субъектом признаётся:

- А) лицо, обладающее дипломатическим иммунитетом;
- Б) лицо, использовавшее для совершения преступления несовершеннолетнего, не достигшего возраста 14 лет;
- В) лицо, обладающее депутатской неприкосновенностью;
- Г) лицо, обладающее дополнительными юридически значимыми признаками, кроме возраста и вменяемости.

10. Интеллектуальный признак юридического критерия невменяемости не может выражаться:

- А) в отсутствии понимания содержания фактической стороны действий лица;
 - Б) в отсутствии понимания социального смысла действий лица;
 - В) в неспособности контролировать свои действия
- нет правильного ответа.

11. Физическим лицом может быть признан:

- А) только человек;
- Б) человек и некоторые приматы;
- В) человек и животные;
- Г) нет правильного ответа

12. Субъектом преступления по законодательству РФ могут признаваться:

- А) только физические лица;
- Б) физические и юридические лица;

- В) физические, юридические лица и государство;
- Г) физические лица и животные.

13. Наличие юридического критерия невменяемости устанавливает:

- А) следователь или суд;
- Б) судебно-медицинская экспертиза;
- В) судебно-психиатрическая экспертиза;
- Г) судебно-психологическая экспертиза.

14. Подлежат ли уголовной ответственности юридические лица?

- А) да, во всех случаях;
- Б) нет, никогда;
- В) да, за экономические и экологические преступления;
- Г) да, в случаях, специально предусмотренных Особенной частью УК РФ.

15. В число преступлений, за которые установлен пониженный возраст уголовной ответственности, не включены преступления, посягающие на:

- А) личность;
- Б) общественную безопасность;
- В) законный порядок осуществления экономической деятельности;
- Г) безопасность эксплуатации транспорта.

16. Наличие медицинского критерия невменяемости устанавливает:

- А) следователь или суд;
- Б) судебно-медицинская экспертиза;
- В) судебно-психологическая экспертиза;
- Г) судебно-психиатрическая экспертиза.

17. Уголовное законодательство РФ устанавливает возраст уголовной ответственности:

- А) минимальный и максимальный;
- Б) только минимальный;
- В) только максимальный;
- Г) нет правильного ответа.

18. Какое из перечисленных состояний не может вызывать невменяемость:

- А) шизофрения;
- Б) алкоголизм;

- В) наркотическое опьянение;
- Г) дебилность.

19. 15-летний подросток, совершивший кражу иконы, имеющей особую художественную и культурную ценность (ст. 164 УК РФ) подлежит ответственности:

- А) по ст. 164 УК РФ;
- Б) по ст. 158 УК РФ ("Кража");
- В) по ст. 164 и ст. 158 УК РФ;
- Г) не подлежит уголовной ответственности.

20. Лицо считается достигшим возраста уголовной ответственности:

- А) с 1 января года, в котором ему исполняется 14 или 16 лет;
- Б) с 1 января года, следующего за тем, в котором ему исполняется 14 или 16 лет;
- В) с 0 часов суток дня рождения;
- Г) с 0 часов суток, следующих за днём рождения.

21. Совершение преступления в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, влечёт:

- А) освобождение от наказания с назначением принудительных мер медицинского характера;
- Б) возможное назначение принудительных мер медицинского характера наряду с наказанием;
- В) освобождение от уголовной ответственности с назначением принудительных мер медицинского характера;
- Г) обязательное назначение принудительных мер медицинского характера наряду с наказанием.

22. Лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, но имеющее отставание в психическом развитии:

- А) подлежит уголовной ответственности, если могло осознавать фактический характер своих действий и руководить ими;
- Б) является невменяемым;
- В) подлежит уголовной ответственности в любом случае;
- Г) не подлежит уголовной ответственности.

23. Пониженный возраст уголовной ответственности составляет:

- А) 14 лет;
- Б) 18 лет;

В) 12 лет;

Г) 16 лет.

24. Лицо, осуществляющее воздействие на объект уголовно-правовой охраны и способное нести за это ответственность, называется:

А) преступник;

Б) объект преступления;

В) субъект преступления;

Г) личность преступника.

25. Одним из признаков, характеризующих специального субъекта преступления, выступает...

А) вменяемость;

Б) юридическая природа лица;

В) должностное положение лица;

Г) физическая природа лица.

26. Как правило, признаются вменяемыми лица, страдающие слабоумием в степени

А) всегда признаются невменяемыми;

Б) имбецильности;

В) дебильности и имбецильности;

Г) дебильности.

27. Может ли иностранный гражданин быть субъектом государственной измены (ст. 275 УК РФ)?

А) не может, так как в его действиях будет отсутствовать вина;

Б) не может, так как государственная измена совершается специальным субъектом - гражданином РФ;

В) не может, так как не может совершить деяний, входящих в объективную сторону данного преступления;

Г) может.

28. Повышенный возраст уголовной ответственности:

А) устанавливается актами различных отраслей права;

Б) устанавливается отдельными нормами Особенной части УК;

В) не может устанавливаться никогда;

Г) устанавливается нормами общей части УК.

29. Общий возраст уголовной ответственности составляет:

- А) 18 лет;
- Б) 14 лет;
- В) 16 лет;
- Г) 12 лет.

30. УК РФ не называет в числе болезненных состояний психики:

- А) временное психическое расстройство;
- Б) хроническое психическое расстройство;
- В) опьянение;
- Г) слабоумие.

31. К хроническим психическим расстройствам относятся

- А) шизофрения, маниакально-депрессивные психозы, эпилепсия;
- Б) патологический аффект, патологическое опьянение;
- В) идиотия, имбецильность и дебильность.

32. К временным психическим расстройствам относятся

- А) патологический аффект, патологическое опьянение;
- Б) шизофрения, маниакально-депрессивные психозы, эпилепсия;
- В) идиотия, имбецильность и дебильность.

33. К видам слабоумия относятся

- А) идиотия, имбецильность и дебильность;
- Б) патологический аффект, патологическое опьянение;
- В) шизофрения, маниакально-депрессивные психозы, эпилепсия.

34. Могут ли юридические лица в зарубежных странах рассматриваться как субъекты преступлений?

- А) рассматриваются в большинстве стран Западной Европы, Великобритании, США;
- Б) не рассматриваются;
- В) рассматриваются в большинстве стран СНГ.

35. Понятие «личность преступника» применимо лишь к лицу,

- А) которое по закону признается субъектом преступления;
- Б) которое совершило преступление;
- В) которое совершило правонарушение.

Примерный перечень вопросов к экзамену

1. Проблемы исследования субъекта преступления.
2. Формирование методологических основ учения о субъекте преступления в странах Европы.
3. Сущность концепция индетерминизма, существовавшей в российской криминалистической школе XIX—XX вв.
4. Основные постулаты антропологической школы уголовного права.
5. Взгляды на субъект преступления представителей социологической школы уголовного права (XIX — начале XX в.).
6. Методологические проблемы, относящиеся к субъекту преступления, существующие в современной российской уголовно-правовой науке.
7. Представления о субъекте преступления в дореволюционной России.
8. Субъект преступления в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.
9. Формирование понятия «субъект преступления» в российском законодательстве: исторический аспект.
10. Представления о субъекте преступления в советский период развития российского государства.
11. Проблемы определения субъекта преступления в России.
12. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве.
13. Представление о субъекте преступления в уголовном праве стран Европы.
14. Представление о субъекте преступления в уголовном праве стран СНГ.
15. Возраст привлечения к уголовной ответственности по зарубежному законодательству.
16. Соотношении понятий «вменяемость-невменяемость» в уголовном законодательстве стран Европы, Азии, СНГ и США.
17. Понятие «субъект преступления».
18. Обязательные признаки субъекта преступления.
19. Возраст как признак субъекта преступления.
20. Возраст привлечения к уголовной ответственности по дореволюционному уголовному законодательству России.
21. Определение возраста субъекта преступления.

22. Границы возраста субъекта преступления.
23. Дифференциация возраста привлечения к уголовной ответственности.
24. Особенности привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в преклонном возрасте.
25. Несовершеннолетние как субъекты уголовной ответственности.
26. Личностные особенности несовершеннолетних преступников.
27. Особенности привлечения к уголовной ответственности лиц, достигших 14-летнего возраста.
28. Социальная и правовая обусловленность привлечения к уголовной ответственности лиц, не достигших 16 лет.
29. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.
30. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания.
31. Принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних.
32. Условно-досрочное освобождение несовершеннолетних от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания.
33. Особенности погашения судимости для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте.
34. Вменяемость как признак субъекта преступления и ее значение для уголовной ответственности.
35. Понятие вменяемости.
36. Критерии вменяемости.
37. Вменяемость как признак субъекта преступления по современному зарубежному законодательству.
38. Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость.
39. Проблема «ограниченной вменяемости» в российской уголовно-правовой науке.
40. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения.

41. Историю развития отечественного законодательства об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения.
42. Критерии, влияющие на определения того, что лицо находилось в состоянии алкогольного опьянения.
43. Дискуссии в уголовно-правовой науке по поводу влияния состояния опьянения преступника на назначение ему наказания.
44. Понятие патологического опьянения.
45. Эволюция категории «специальный субъект преступления» в российской уголовно-правовой науке.
46. Представления о специальном субъекте преступления в уголовно-правовой науке советского периода.
47. Основания для классификации специальных субъектов преступлений.
48. Уголовно-правовой анализ специального субъекта преступления с признаками должностного лица.
49. Понятие должностного лица.
50. Классификации должностных лиц.
51. Формирование представлений о должностных лицах как о субъектах преступления в российской уголовно-правовой науке.
52. Классификация преступлений, совершенных должностными лицами.
53. Субъекты преступлений против правосудия.
54. Юридические лица как субъекты преступления: дискуссии в уголовно-правовой науке
55. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству зарубежных стран и международному законодательству.
56. Современные подходы к вопросу возможности признания юридических лиц субъектами преступления.
57. Теоретико-правовые аспекты разграничения субъекта преступления и личности преступника.
58. Взгляды на соотношение понятий «личность преступника» и «субъект преступления» в российской уголовно-правовой науке.
59. Влияние на назначение наказания характеристики личности преступника.

60. Дискуссионные вопросы учения о субъекте преступления.